

Аня
Саврасова

ДОМ
СО СТРАННОСТЯМИ

Аня Саврасова

Дом со странностями

<https://litres.ru/74296177>

Аннотация

Вот повезло! Ушла от парня и сняла квартиру в красивом старинном доме. Дружелюбные соседи, уютная кофейня, вечеринки на крыше. Оказывается, разрыв отношений - не конец жизни, а только начало! Но однажды один из жителей дома пропадает. А вместе него появляется совершенно другой, очень странный человек. Однако остальные ведут себя так, словно ничего не изменилось. Когда ситуация повторяется, становится совсем не по себе... ...Кто все эти люди? Почему они так странно себя ведут? И причём здесь дневник мертвого разведчика?

Книга продолжает события, происходившие в романе "Бар "Амбар", но ее можно читать отдельно!

Содержание

1. Дружелюбный дом	4
2. Зелёная табуретка	19
3. Жестокий стендап	34
4. Подозрительная вечеринка	45
5. Напряженный разговор	62
6. День труда	76
7. Кто сказал «Мяу»?	92
8. Ежедневник самоубийцы	105
9. Сумбурная фотосессия	118
10. Новые вопросы	131
11. Дремучий бестиарий	145
Конец ознакомительного фрагмента.	146

1. Дружелюбный дом

09.04.26, четверг.

– У вас нет детей и других домашних животных? – спросила Альбина.

– Только блохи, – брякнула я и тут же прикусила язык. Вечно пытаюсь шутить, когда не надо и с кем не надо! – Нет, никого нет. Я одна.

Юная рыжеволосая риэлторша подошла к окну и отдернула штору.

– Очень хороший вид для первого этажа, — сказала она. – На дерево.

Я внимательно осмотрела чахлую голую берёзку и кивнула.

– Симпатичное дерево. Буду любоваться.

– Уже почки появились! – с гордостью заявила Альбина, и я испугалась, что за почки потребуется дополнительная оплата. – Отличный дом.

Я что-то хмыкнула соглашательное. Связь между почками и достоинствами дома ускользала от меня, и вообще я боялась показывать излишнюю заинтересованность, так как денег было совсем в обрез. А квартиру я уже всё равно решила снять, даже и без почек.

– Соседи дружные, – продолжала рекламную речь риэлтор. – Хозяйка вообще супер. Топят зимой так, что окна на-

распашку. Только иногда что-то шепчет.

– Что? В каком смысле «шепчет»?

– С трубами что-то. Дому уже сто пятьдесят лет.

– Разве трубы не меняли во время ремонта?

– Всё меняли, всё новое, – риэлторша тут же изменила показания. – Так что, будете снимать?

Я кивнула. Отступать некуда, позади, как говорится, Москва. А впереди – новая жизнь. Так уж я решила.

– Вот и отлично, ты мне сразу понравилась. Ты по типуажу подходишь, вступишься в коллектив. Ты не холерик?

– Нет! – бешено замотала я головой. – Я вообще ничем не болею, только простыла немного, но это давно было.

Я ужасно испугалась, что мне откажут из-за остаточного кашля после давнишней простуды, и даже не сразу сообразила: «холерик» – это не больной холерой.

– Ну и хорошо. У нас тут все спокойные, никто по потолку не бегает. Тогда я сейчас Ирину Петровну позову и подпишем договор. Кажется, она с Морфеем гуляет.

Альбина вышла, а я осталась одна в квартире-студии, в которой собиралась провести ближайший год. Или хотя бы месяц. Или ночь. Долгосрочные планы для меня сейчас – непозволительная роскошь. Найти бы на сегодня крышу над головой, а дальше посмотрим.

«Я одна». Как это грустно звучит! Одна, одна, одна...

Ну да ладно. Одна так одна. Главное, что я есть! Один – это намного лучше, чем ноль. Глубокая мысль. Обязательно

запишу её в свой блокнот гениальных мыслей – когда, наконец, заведу его.

Я осмотрела комнату. Чуть не половину её занимала огромная кровать – и куда мне столько? Буду, наверное, кувыркаться. Туда-сюда. Долгими весенними вечерами. Зато так называемая «кухня» была микроскопической и состояла из мойки и мини-холодильника. На холодильнике стояла микроволновка, на микроволновке – чайник, а над мойкой висел шкафчик для посуды. Вот и вся кухня – считай, что её нет.

А я ведь люблю готовить. С Сашей у нас была огромная кухня, я пекла пироги и имбирные пряники по выходным. А он готовил свои фирменные маринады и запекал то курицу с черносливом, то индейку с апельсинами. Из куриной попы торчала половинка лимона и пучок розмарина, смотрелось это, конечно, высокохудожественно. Приходилось потом звать друзей, чтобы доесть всё это кулинарное великолепие.

Ну что ж, придётся забыть и про пироги, и про курицу с лимоном в попе. И про Сашу. Хотя ещё неделю назад я была уверена, что мы состаримся вместе и умрём в один день. Желательно лет в сто, после восхождения на какую-нибудь гималайскую вершину.

Ничего, буду привыкать к готовой еде, разогретой в микроволновке. И к одиночеству. Человек ко всему привыкает. Я слышала, что в лондонских ночлежках в девятнадцатом

веке не было кроватей, только развешанные верёвки. И люди спали, повиснув на этих верёвках! Какого это вообще – спать на верёвке? Я и на кровати порой не могу заснуть по полночи. С особой подушкой, набитой гречневой шелухой, непроницаемыми шторами и дорогим десятикилограммовым одеялом. Неженка.

Я зашла в ванную. Она тоже была крошечная: унитаз, узкая раковина и душевой отсек, поместиться в котором можно было, лишь стоя навтыжку. Зато над раковиной висело непомерно большое зеркало, в котором я увидела девушку с серо-голубыми глазами и длинными каштановыми волосами. Эту особу можно было бы назвать симпатичной, не будь она тощая, как швабра, притулившаяся неподалёку. Кожа у девушки в зеркале была светлая, почти прозрачная, а губы маленькие, но пухлые, красивого темно-розового оттенка. Из выреза футболки торчали острые ключицы, а на подбородке темнела ямочка, которая бесит с детства, но мужчинам почему-то нравится. Под глазом прилипла выпавшая ресничка. Я смахнула её, подмигнув отражению. Оно ответило взаимностью.

И чего эта риэлторша так долго не возвращается? И с каким таким «Морфеем» гуляет загадочная Ирина Петровна? Может, это означает, что она спит? Я представила, как рыжеволосая веснушчатая Альбина пытается разбудить хозяйку дома, которая дремлет, облокотившись на дорогую красивую верёвку. Ведь у хозяйки целого дома всё должно быть

дорогое и красивое, не правда ли?

В этот момент дверь отворилась, и в студию зашли Альбина и пожилая женщина. Впрочем, можно даже сказать – просто *женщина*. Она была высокая, в меру упитанная, в джинсах и вязаном кардигане, с крашенными в тёмный, коротко стриженными волосами. За женщиной вальяжно вышагивал одетый в красную вязаную кофточку и красную же вязаную шапочку на резиночке огромный чёрно-белый кот. Хозяйка вела его на поводке, но поводок был такой длинный, что кот вполне мог и не заходить, но всё же нехотя забрёл, всем своим видом показывая: он тут случайно и ненадолго.

– Здравсьте! – воскликнула я.

– Здравствуйте! – добродушно сказала женщина. – Меня зовут Ирина Петровна, но можно просто – Баба Ира.

– Какая же вы *баба*! – поразилась я.

– Да уже прабаба - загадочно сказала она.

Прабаба Ира сразу стала показывать, что есть в квартире, хотя эту каморку в пятнадцать квадратных метров сложно назвать «квартирой». Однако и каморка, как оказалось, таила некоторые сюрпризы. Ловко зацепив пальцем петельку, хозяйка без особых усилий подняла матрас, под ним оказались ящики с бельём, полотенцами, пылесосом и ещё какими-то штуками, которые я не успела рассмотреть. С навесного шкафчика на микро-кухне Ирина Петровна достала плитку с одной конфоркой.

– Надо чайник подвинуть, а плитку на микроволновку

поставить, — объясняла она механику, больше похожую на сборку конструктора. — Приготовила что надо и обратно положила.

В крошечном санузле обнаружился огромный люк, за которым были трубы со счётчиками. Вокруг труб неожиданно оказалось большое тёмное пространство, из которого Ирина Петровна ловко вытащила гладильную доску с примотанным скотчем утюгом.

— Места в студии мало, так прошлый квартирант сюда за-
сунул, — объясняла она. — Не каждый же день гладишь, правильно?

Гладить я вообще терпеть не могу. Считаю, что складки придают одежде шарм и непринуждённость. Да, именно так я и считаю, ведь я готова считать что угодно, лишь бы только не возиться с утюгом и марлей.

— Сушилка тоже там, за трубами, — огорошила меня хозяйка. — Надо только высунуться посильнее. У тебя руки длинные, достанешь.

Ну что ж, за трубами так за трубами. Я уже твёрдо решила остаться в этой квартире, так что нюансы меня мало интересовали. Под столом стоял ярко-жёлтый чемодан, а в нём — почти все мои вещи. Ноутбук, одежда, любимая кружка с видами Эльбруса, акварельные карандаши и складной коврик для йоги. На первое время вполне достаточно.

Книги, зимнюю одежду, картины, фарфоровые тарелки и любимый велосипед я оставила у Саши. Надо бы забрать,

но у меня пока нет на это моральных сил. Да и где мне всё это хранить? За трубами, между сушилкой и гладильной доской?

Альбина быстро заполнила договор и сунула мне.

– Подпиши, тут и ещё в конце. Два экземпляра, один твой.

Кот запрыгнул на стол и уселся прямо на бумажки. Я недоумённо посмотрела на него. Разве котам можно запрыгивать на обеденные столы? Но женщины нисколько не возмутились, не скинули нахала за шкурку на пол, а ласково уговаривали подвинуть свой пушистый зад и дать мне подписать договор.

Наконец, все формальности были улажены. Квартира моя! Ну, временно, конечно. Пока не прогонят.

– Если что, я над вами живу, – обрадовала Ирина Петровна. – Как по лестнице поднимаетесь, сразу налево моя дверь.

– Очень удобно, – кивнула я, хотя меня совсем не радовала перспектива жить по соседству с квартирной хозяйкой. Надеюсь, она не будет заваливаться ко мне со своим котом по три раза на дню, чтобы проверить, не поцарапала ли я ламинат или что-то в этом роде.

– А я за этой стенкой, – махнула рукой Альбина. – Слева от тебя, получается.

Что-о-о? Риэлтор тоже здесь живёт? Вот это новости! Это я, значит, под тройным надзором буду? От хозяйки, Альбины и кота. Ни вздохнуть, ни... Вообще-то, я интроверт. Людей люблю, но только ограниченное время. И далеко не всех.

Да и тех, кого люблю... Лучше б не любила, честно говоря. Одни проблемы от этого.

– Замок немного заедает, – продолжала радовать меня нюансами Ирина Петровна. – Ты его немного на себя, потом вверх до упора и вбок вот так резко крутани. Тогда всё откроется. На, попробуй.

На себя, вверх и вбок. Понятно, чего ж тут непонятного?

– А запирается он автоматически, так что ключ брать не забывай.

Час от часу не легче! Учитывая мою рассеянность, я практически обречена сидеть под этой дверью без ключа. Причём регулярно.

– Если что, через меня залезешь, у нас окна рядом, – утешила Альбина. – Окно только придётся разбить.

Всего-то-навсего.

– А у кого-нибудь есть запасные ключи? – догадалась я спросить.

Оказалось, у Ирины Петровны есть ключи от всех дверей, и она почти всегда дома, так что окно можно и не разбивать. Ну, окей.

– Приходи в субботу, будет барбекю на крыше, – пригласила Альбина. – С соседями познакомишься. Ромашка будет коктейли делать.

– Барбекю на крыше? – удивилась я. В объявлении что-то было написано про «эксплуатируемую кровлю», но я не вникла, что это значит.

– Да, там все соседи соберутся. Шашлыки, то-сё. Откроем крышный сезон. И отметим день рождения Морфея.

– Пять лет уже моему пусечке, – заворковала Ирина Петровна, обнимая и тиская пушистого обормота. – Максик придёт с Масиком, а может, даже и Стасик.

Я не уверена, что правильно расслышала, кто там придёт. Максик с Масиком или Масик с Максимом? Расспрашивать, кто все эти люди (или не люди?) сил уже не было. Мне бы вещи разложить да добыть хоть какой-нибудь еды, а то с утра ношусь не евши. И поспать, если получится. А масики, стасики и пусечки меня пока мало волнуют.

Хозяйка тщательно пересчитала деньги и сунула в карман своей вязаной кофты.

– Живи счастливо, Настенька, – сказала она.

– Меня зовут Ася, – поправила я.

– Анастасия – это разве не Настя?

– Иногда да. Но именно меня зовут Ася.

Почему-то имя «Настя» меня всегда ужасно бесило, поэтому я с детства для всех Ася и только для всяких незнакомых бабушек – «Настенька».

Деньги, ещё недавно бывшие в моём распоряжении, маляще торчали из кармана хозяйской кофты. Мне вдруг ужасно захотелось их вытащить, но я, понятное дело, подавила этот порыв. Всё, ставки сделаны. Денег больше нет, но жизнь продолжается. Это мой девиз. Хотелось бы, конечно, другой девиз, но пока есть только этот.

Наконец, все ушли, и я осталась одна в своей новой микроквартире. Думала сначала разложить вещи, но поняла, что уже умираю от голода, и побежала в ближайший магазин. Выйдя из дома, осмотрела его ещё раз. Очень красивый, кирпичный двухэтажный домик с необычным орнаментом на фасаде. Альбина говорила, что его построили до революции, а реконструировал сын хозяйки пару лет назад.

Правда, от центра далековато, но я работаю из дома, так что жить можно. Вокруг довольно странные и безлюдные места. Это бывшая промзона, но завод давно закрылся, а заводские здания переделаны под всё подряд: какие-то офисы, склады, гаражи. Только наш домик жилой, хотя по документам это тоже нежилые помещения, но хозяйка разделила дом на квартиры-студии и сдаёт. Но главное, до метро минут пятнадцать пешком, а в торце дома есть кофейня и пункт выдачи товаров. Можно всё заказывать на дом. Ну и вид из окна – на дерево. В общем, нормальный вариант за свои деньги.

Я углубилась в навигатор, пытаюсь понять, куда идти до супермаркета. Геолокация прыгала, как обычно в последнее время, так что я напрягла все свои скудные топографические способности, чтобы разобраться в этом вопросе.

– Чего ищешь? Новенькая, да?

Я подняла глаза и увидела полного круглолицего азиата с деревянной тележкой на колёсиках.

– В каком смысле «новенькая»?

– Не видел тебя раньше. У бабы Иры квартиру сняла, да?

Я поняла, что отпираться бессмысленно, и кивнула.

– А я тут дворник у вас. Мымыза.

– Что?

– Мурмурза!

– Как-как?

– Нырзырза!

Только с четвёртого раза я разобрала, что дворника зовут Нурмырза, а затем узнала, что приехал он из Кыргызстана, и там сейчас плюс двадцать пять, а у нас холодрыга, но он уже привык. И что если мне надо что-то тяжёлое вытащить или затащить, то надо звонить ему, и будет вообще недорого.

– Мне нечего ни вытаскивать, ни затаскивать, – вздохнула я. – У меня пока ничего нет.

– Ну ничего, обживёшься, всё будет. Все обживаются. Потихонечку-полегонечку. Я на той неделе из вашего дома гроб выносил.

Я вздрогнула. Какая внезапная смена темы. Или это продолжение разговора о вытаскивании тяжёлых вещей? Не хотела бы я *настолько* обжиться.

– А что случилось, кто умер? – спросила я из вежливости, хотя не была уверена, что хочу знать ответ.

– Мужчина какой-то. Тяжёлый. Но у меня напарник есть, так что всё хорошо.

– Ага, всё хорошо, – кивнула я. – Лучше не бывает.

Очень надеюсь, что этот тяжёлый мужчина жил не в моей квартире. Хотя, если и в моей, что я теперь сделаю? Деньги

уплачены, чемодан лежит под столом. Лучше бы не знала, ей-богу.

Нурмырза показал, как идти к супермаркету, и порекомендовал "жесть какую вкусную" шаурму за углом.

— Если голодная, с пальцами съешь! Скажешь, что от Нурика, тебе всё красиво сделают.

Я решила пока воздержаться от поедания шаурмы вместе с пальцами и продолжила путь в магазин. Удивительное дело, пять лет мы с Сашей прожили в одной квартире, но я понятия не имею, как зовут того нашего дворника. А с этим познакомилась в первый же день. Да и вот это барбекю с соседями...

В нашем прежнем шестнадцатиэтажном доме было восемь квартир на этаже. За пять лет из всех соседей я познакомилась только с дядей Мишей, и то, только потому, что он всё время курил в подъезде, а я с ним ругалась. Я выкидывала тайком все его пепельницы в мусоропровод. Обычно это были какие-то жестянки: баночки от растворимого кофе или от рыбных консервов. Сосед кричал, что я посягаю на его право собственности, а я грозила, что вызову полицию, и его оштрафуют за курение в неположенном месте. Но однажды у нас стал заедать замок, и я не могла попасть домой. А дядя Миша как раз вышел покурить, ну и помог мне открыть дверь. Так мы, можно сказать, подружились.

Я вспомнила, что в новой квартире тоже нелады с замком, и нервно кинулась искать в кармане ключи. Лежат, уфф!

Вернувшись домой с пакетами еды, я, разумеется, минут десять не могла открыть дверь. Какая там была последовательность? Вбок, вниз и от себя? Или сначала вниз, а потом вбок? А в какой бок? Я хаотично дёргала ключом во все стороны и уже горько пожалела, что выбрала эту проблемную конуру. Повелась на дешёвизну!

Мои мучения заметил парень, вышедший из кофейни. Дело в том, что вход в эту кофейню имеется и с улицы, и из подъезда, так что можно пить кофе не выходя из дома. Очень удобно!

Парень был взъерошенный, белобрысый и с симпатичными острыми ушами, как у эльфа. В руке он нёс стаканчик кофе и эклер. Заметив, как я, отчаявшись, уже пытаюсь разломать противную дверь, колошматя в неё ногой, он остановился, откусил эклер и задал странный вопрос:

– Вы вместо Виктора?

– Какого Виктора? – не поняла я.

– А, вы не знаете.

И он так многозначительно посмотрел, что меня сразу посетила догадка, какой это Виктор. Уж не тот ли самый «тяжёлый мужчина», которого Нурмырза с напарником выносили на прошлой неделе? В гробу. За недорого.

– Что с ним произошло? – мрачно поинтересовалась я.

Парень сунул эклер в рот, взял в освободившуюся руку мои ключи, сделал пару быстрых движений, замок щёлкнул, и дверь распахнулась. Он вытащил эклер.

– Надо вам личинку поменять. Скажите Ирине Петровне, а то намучаетесь с этим замком.

– Спасибо вам большое!

– Не за что. Я, кстати, Рома. Для своих – Ромашка.

– А! Та самая Ромашка.

– Ага, тот самый! А какой именно?

– Это же вы будете делать коктейли на крыше?

– А вы придёте?

– Хотелось бы. Я здесь новенькая, только сегодня заехала.

– О, вам у нас понравится. Это отличный дом! Другого такого нет на всю Москву. Соседи все дружные и вообще. Уникальная атмосфера позитива и взаимопомощи.

– И ни одного холерика! – подхватила я.

– Чего?

– Да так. И что же с Виктором случилось? Почему он умер?

– А, так вы в курсе? Ну, знаете... Ситуации разные бывают. Мне бежать надо, вы в субботу приходите и поговорим. Вы, кстати, какие коктейли любите?

– Безалкогольные.

– Этого не обещаю. Точнее, обещаю, что таких не будет. А что, неужели у вас нет повода напиться?

– А почему он должен у меня быть?

– Обычно все, кто сюда селится, имеют такой повод. Иногда в хорошем, иногда в плохом смысле. А у вас нет? Ну, значит, повезло.

Я занесла в квартиру покупки, и мой собеседник, словно забыв, что ему «надо бежать», зашёл со мной. Я задумалась, что же ему ответить. Рома протянул мне свой кофе, и я в задумчивости отхлебнула глоток.

– Классная табуретка, – сказал Рома. – У нас в квартире такой нет. Надо потребовать у Альбины такую же!

– Конечно, есть, – сказала я.

– Табуретка? Нету, честно. Пошли, покажу!

– Повод напиться есть, – пояснила я. – Причём в самом плохом смысле.

2. Зелёная табуретка

10.04.2026, пятница.

Сосед ушёл, а я пялилась на табуретку и не могла понять, чем она его так заинтересовала. Вполне обычная, только зелёная. Стало ужасно интересно, какая же табуретка дома у Ромы.

Я достала из чемодана скетчбук и зарисовала акварельными карандашами сначала табуретку, а потом и всю кухню. Скетчбук – это блокнотик для рисунков, я его всегда держу наготове. Когда-то я рисовала маслом на холсте, даже продала несколько работ знакомым и знакомым знакомых. Меня даже хвалили и что-то говорили про талант и особенный стиль. Сравнивали то с Моне, то с Мане. Но в какой-то момент я разочаровалась и в себе как в художнике, и в искусстве вообще. В наш век высоких технологий и ненавистных мне нейросетей этот дар – дар создавать новые миры с помощью кисти и красок – обесценивается и превращается в бессмысленный, никому не нужный труд. Но привычка рисовать осталась. Меня это успокаивает.

Саша всё хотел, чтобы я нарисовала нас вместе, парящих над городом, как у Шагала, или на утёсе, у туманного обрыва, как у Каспара Фридриха, или на склоне, среди синих гор,

как у Рериха, но я почему-то всегда отказывалась. Не хотелось отдавать наши чувства портрету. Наверное, боялась, что портрет вберёт в себя то хрупкое счастье, которое у нас было. Ну, иногда было.

Я разогрела в микроволновке ужин из супермаркета: какая-то лапша с курицей и овощами в китайском стиле. Такое следует есть, пялясь в телефон или телевизор, просто накладывая еду в себя, не приглядываясь к её виду, вкусу и запаху. А впрочем, если хорошенько оголодать, как я сегодня, то и лапша покажется блюдом мишленовского уровня. По крайней мере, после лапши сил у меня прибавилось и мир показался чуть приятней. Разложила вещи в шкафу, достала читалку и завалилась на кровать. Ну наконец-то!

Сегодня был такой суматошный день. Сборка чемодана, потом три просмотра квартир, одна другой страшнее. Кроме этой, последней. Эта хоть крошечная и находится у чёрта на куличиках, зато очень симпатичная. Белые крашенные стены, хрустальная ретро-люстра с висюльками – островок роскоши в моей скромной жизни эконом-класса. И широкие подоконники – благодаря таким же широким кирпичным стенам. Широко жили сто пятьдесят лет назад – не скупились на кирпичи.

В дверь громко постучали. Вошла Альбина.

– Я тебе сковородку принесла и нож. Брала на время, пока тут никто не жил.

– Спасибо. А долго квартира пустовала?

– Нет, у меня квартиры не простаивают. Я же хороший риэлтор. Как ты устроилась? Читаешь? А почему без бры?

– Без чего?

– Бру почему не включаешь? Ну, лампа у тебя над головой. Она называется «бра», как лифчик. Не знала?

– А, знаю. Но не думала, что это слово склоняется. У меня подсветка в читалке, спасибо. Слушай, а кто здесь жил до меня?

– Да парень один, программист.

– И что с ним случилось?

– Ну так. С катушек слетел. В игры свои переиграл, наверное. Сидел в квартире безвылазно, бухал. Потом стал о себе в женском роде говорить, представляешь? «Я бы предпочла, чтобы вы оставили меня в покое» – это он мне заявил. Так стрёмно было. В последние дни всё время в двери стоял, которая входная у нас, в подъезд. Открывал её, камнем припирали и торчал в проёме, на улицу глядел. Но не выходил.

– А как он... умер? – с опаской спросила я. Понимала, что лучше бы мне этого не знать, но чёртово любопытство не давало остановиться.

– Повесился.

– Где?!

– Вот прям тут, на крюке от люстры. Но люстру мы починили с Ириной Петровной, ты не беспокойся. Это винтажная люстра из ГДР, тебе нравится?

– Д-д-да... – проблеяла я. Люстра нравилась мне уже го-

раздо меньше.

– И табуретку я отмыла, – утешила меня Альбина.

– Табуретку? Вот эту, зелёную?

– Ну да, валялась под ним. А теперь видишь, какая чистенькая? Ещё сто лет можно сидеть.

– Эээ... Альбин, а ты можешь Роме эту табуретку отдать? Она ему очень нравится. А мне любую другую, хоть пенёк из леса.

– У нас вся мебель в передаточном акте прописана, – строго сказала риэлтор. – Сами меняйтесь табуретками, если хотите. Под свою ответственность.

Альбина ушла, а я подумала, что ночка мне весёлая предстоит. Я и так в последнее время плохо сплю, а после таких историй... Добавим сюда разрыв с любовью все жизни и отсутствие снотворного. Все слагаемые провала.

Саша очень удивился, что я ухожу. Думал, никогда не решусь. Не хватит духу и денег. Он же у нас кормилец и поилец, а я так, неудачница. Не удивлюсь, если он сидит сейчас дома и ждёт, когда я вернусь с белым флагом и повинной головой. Ещё и бесится, что заставляю его ждать. Не ценю его драгоценное время.

Пять лет мы жили «более-менее». Иногда было «более», и я даже была с ним счастлива. Любила его, да и он меня тоже, *по-своему*. Однако после «более» всегда наступало «менее», и это было довольно неприятно. Он психовал по любому поводу, злился на меня, высказывал разные претензии,

а потом извинялся и дарил подарки. Ну что ж такого, дело житейское. Стерпится - слюбится. А когда я говорила, что хочу семью и ребёнка, мой любимый объяснял, что штамп – это пережиток прошлого, а ребёнок – обуза и обременение. И что надо сначала заработать на большой дом в пригороде, а уж потом, ближе к сорока...

Я долго внушала себе, что так и надо. Что нужны компромиссы. Что идеальных отношений не бывает. Что есть много плюсов, и если разделить бумажку на два столбика, выписать все плюсы и минусы, посчитать, поделить, перемножить, извлечь квадратный корень... То получится, что мне ещё повезло. Хороший ведь парень. Квартиру снимает, курицу запекает с лимоном в попе. Высокий, красивый, подруги завидуют. Но что-то было не так. А последней каплей стала кружка чая. Обычного чёрного чая с чабрецом, из пакетика. Чая, который полился мне на голову, когда отказалась ехать с Сашей на горнолыжный курорт. И когда эта последняя капля затекла мне за шиворот и медленно стекла по спине, я молча встала и пошла собирать свой верный жёлтый чемодан.

Зря я боялась бессонницы! Несмотря на все посторонние мысли, уснула я моментально и проспала всю ночь. Проснулась рано утром от странных звуков, доносящихся из санузла. Было это то ли шипение, то ли свист, что-то похожее на унылые бормотания занудного человека. Нечто вроде «иду-буду, ибуду...» Я вспомнила, как Альбина предупреждала, что трубы здесь «шепчут», и подумала, что надо бы купить

затычки для ушей. Иначе мой и так хрупкий сон будет под постоянной угрозой.

Впрочем, хотя на часах было только восемь утра, я почувствовала, что вполне выспалась. Встала с постели и поняла, что мне теперь не нужно, как раньше, шлёпать с утра по длинному коридору на кухню. Я только встала – и уже на этой кухне очутилась. Вот она – рукой подать! Или ногой. Очень удобно. Но тут я осознала, что допустила огромную ошибку. Просто гигантскую! Я забыла у Саши свою турку. Красивую медную турку с двумя лебедями, купленную на центральном базаре Стамбула. Даже не подумала о ней, вот растяпа. Как же я буду жить дальше без кофе? А, впрочем, тут же вспомнила я, в доме есть кофейня! Открывается она, конечно, позже, но я потерплю. Пока можно немного поработать.

Включила ноутбук, с третьего раза ввела нацарапанный Альбиной на бумажке пароль от вайфая и открыла свой перевод. Я переводчик с немецкого. Такая же умирающая профессия, как и художник. Саша бесконечно смеялся и напоминал, что скоро меня заменит искусственный интеллект. Частично он меня и так заменил, приходится это признать. Я и сама всё чаще пользуюсь программами-переводчиками для ускорения своей работы. И вижу, как буквально с каждым месяцем их переводы улучшаются, и моя редакция становится всё менее глубокой и обязательной. Да, я тот самый человек, который проиграл роботу. И который с каж-

дым днём чувствует себя всё менее нужным этому миру.

Ладно, это я отвлеклась. Не люблю ныть, но иногда оно как-то само... ноется. К счастью, ещё остались заказчики, которые хотят «живой» перевод от живого, чувствующего язык человека. И они готовы за это платить – немного, но и на том спасибо.

Один из моих постоянных заказчиков – Иван Петрович. Он уже старый, давно за семьдесят, наверное. Его бабушка была немкой, но жила в России, и его отец, Пётр Никифорович, благодаря этой бабушке (то есть своей маме), в совершенстве владел немецким. Когда началась война, отца взяли в разведку, военным переводчиком. А после 1945-го он остался в оккупированной Германии, и там тоже работал переводчиком. Потом он умер, семья вернулась в Советский Союз, и Иван Петрович вырос, не зная немецкого. Только, как он шутит, «хенде хох» и «нихт ферштейн».

И вот, представляете, пару лет назад он находит записки отца, целую кипу исписанных бумаг! Оказывается, Пётр Никифорович несколько лет писал нечто среднее между дневником и мемуарами. И мать вывезла этот дневник из Германии, но сыну о нём так и не рассказала. То ли забыла, то ли не посчитала нужным. Уже не спросить, она давно умерла.

Самое интересное, что записки отец писал по-немецки. Наверное, за годы жизни в Германии этот язык стал ему ближе, чем русский. А может, из предосторожности так решил, чтобы другие не могли прочитать. Его жена (мать Ивана Пет-

ровича), хоть и жила с ним многие годы в берлинском районе Карлсхорст, но немецкий знала плохо, так что вряд ли она вообще читала когда-нибудь этот дневник. Работала она, как пишет муж, в каком-то топливном отделе секретаршей, Германию не любила и мечтала вернуться в родную Москву, что и сделала сразу после смерти супруга.

А записки валялись в коробке со старыми журналами на даче. И нашёл их даже не Иван Петрович, а новые хозяева дачи, которым он её продал. Хотели сжечь всю коробку не глядя! Но каким-то чудом заметили папку с исписанными листочками и догадались сообщить бывшему собственнику.

И вот я уже второй год перевожу эту историю чужой жизни. Перевожу очень медленно и с перерывами. Во-первых, платит Иван Петрович немного, и когда появляются более денежные (и срочные) заказы, я отвлекаюсь на них. Он сам говорит, что спешки нет – я и не спешу. А во-вторых, переводить дневник мёртвого разведчика – дело непростое. Листы идут не по порядку, множество слов сокращены, и мне остаётся только догадываться по контексту, что имелось в виду. Иногда почерк Петра Никифоровича ровный и чёткий – просто удовольствие его читать, а иногда вдруг становится жутко неразборчивым, и я подозреваю, что делал он это намеренно, чтобы скрыть самые важные (и самые интересные!) места.

А ещё среди листов дневника попадаются письма некой Марты, и их я тоже перевожу, но Ивану Петровичу не от-

правляю. Не знаю, хочет ли он знать, что у его отца, помимо законной жены, была ещё какая-то Марта, парикмахерша с улицы Бисмаркштрассе?

«Милый Петер! Нет слов, чтобы передать, как тоскует моё сердце в разлуке, ведь мы не виделись уже четыре дня, что для меня как целая вечность. Придёшь ли ты завтра? Я могу взять выходной, Гретхен согласна заменить меня. Хотя я потеряю на этом пятнадцать марок, но надеюсь на твою щедрость и заботу о твоей маленькой Matreshka. Узнал ли ты о судьбе моего бедного Пауля? Ты говорил, что можешь посмотреть в ваших архивах, что с ним случилось в Москве. Жив ли он? Я понимаю, что на это почти нет надежды, но дева Мария добра к своим сыновьям и пути Господни неисповедимы...»

Я захлопнула ноутбук. Какая противная баба! Мало того, что крутит роман с женатым мужиком, так ещё и выманивает у него деньги и требует найти какого-то своего Пауля. Фашиста, небось... Ещё и деву Марию приплетает, лицемерная гадюка. Тоже мне, «Матрёшка»! Я правда разозлилась. За все месяцы работы над переводом я как-то привыкла к этой семье, даже полюбила их всех. И видеть, как её разрушает какая-то лживая немка, было неприятно. Хорошо, что Иван Петрович и его мама так и не узнали про эту Марту. По крайней мере, я на это надеюсь. Брак устоял, отец умер примерным семьянином. Хотя в те времена и в его положе-

нии развестись, как я понимаю, было очень нелегко.

Ладно. Надо отдохнуть. На часах было почти десять, и я решила, что пришла пора протестировать местную кофейню. Отправилась я туда прямо в пижаме и домашних тапочках. Буду привыкать к местному лайфстайлу. Кофейня, к слову, расположена буквально за стенкой от меня, и дверь в неё соседствует с моей. Есть, конечно, и отдельный вход с улицы, но местное население ходит прямо из подъезда.

Дверь в кофейню была открыта, но заведение ещё не работало. Я попала в пустой зал, а точнее – зальчик с тремя крошечными столиками и узким длинным столом вдоль окна. Прямо из этого зала вторая невзрачная дверь вела в пункт выдачи товаров маркетплейса «О-три», на котором можно купить абсолютно всё, от булавок до загородного дома. Стеклопанная дверь, ведущая на улицу, была заперта. Я уселась за один из столиков и стала ждать.

Минут через десять вошёл бородатый мужчина в бандане и с тоненькой косичкой на затылке и удивлённо уставился на меня:

– А вы откуда?

– Оттуда, – я показала на дверь, через которую вошла.

– А, вы из *свитера*, – кивнул он.

– Откуда? – я решила, что не расслышала.

– Ну, из этого дома. Он похож на вязаный свитер, не замечали? Мы зовём его Дом-Свитер. Ну, или Вязаный дом.

– Да, что-то есть, – задумалась я. – Необычный орнамент

из разноцветных кирпичей. Впервые такое встречаю.

– Это восточный стиль. В Иране таких много. Или в Ираке, я их всё время путаю. Что будете заказывать?

– Латте. Самый большой, какой есть.

– Могу литр сделать, хотите? Со скидкой.

– Давайте! Поставлю в холодильник и буду пить ближайšie три дня. Не хочется никуда выходить, настроения нет.

– Вот это у вас сила воли! Я бы не смог растянуть кофе на три дня. Выпил бы всё за раз, хоть литр, хоть пять.

– Да я тоже не смогу, наверное, – усмехнулась я. – Обманываю себя, как водится. Я просто турку забыла. У бывшего. А без кофе я почти как без мозга. У меня турка очень красивая была, из Стамбула.

Чёрт знает, чего это я с ним так разоткровенничалась. Не зря говорят, что бармен – это как падре в исповедальной комнате. Даже слова созвучны. Хочешь не хочешь, а всё выразишь, что на душе.

– А почему бы не забрать турку у бывшего или новую не купить? Надеетесь вернуться?

– Нет-нет! – я изо всех сил замотала головой. – Ни в коем случае!

– Ну ладно, – хмыкнул бородач. – Мне даже выгодно, что ваша турка у бывшего. Приходите ко мне, без кофе я вас точно не оставлю.

Бариста повернулся ко мне косичкой и принялся за приготовление литрового латте, а я переваривала его слова.

Надеюсь вернуться? Неужели это правда? Может, на подсознательном уровне я правда этого хочу? Вот только за подсознание я не отвечаю. Потому что оно – «оно», это ещё Фрейд сказал. А я – это «я». И отвечаю только за свои поступки, а что там моё подсознание хочет – его личное дело. Вот только я буду последней дурой, если ему поддамся. Так. Когда я уже заведу блокнот для гениальных мыслей? А то они в последнее время так и сыпятся из меня. Живёшь вроде как нормальный человек, а стоит расстаться с парнем – превращаешься в философа, психоаналитика, астролога и гадалку на таро. Хорошо, хоть от последних двух ипостасей меня бог пока миловал.

Сегодня же закажу эту чёртову турку.

Пока бородатый бариста готовил мне кофе, я проверила сообщения на телефоне. Никто ещё не знал, что я переехала, поэтому жизнь шла своим чередом. Мама напоминала про день рождения двоюродной тётки (быстро отослала подобающее поздравление). Подруга Таня спрашивала о планах на вечер (сидеть дома, читать книгу, смотреть кино про что-нибудь весёлое, но только не про любовь). Пришло и сообщение от Саши, но его я открыла последним, испытывая скорее страх, чем любопытство.

«Привет, Ася. Ты долго собираешься дуться? Я приготовил лазанью, ждёт в холодильнике. В 20 часов выступаю на Полянке. Приходи, буду рассказывать про нас с тобой. Хоть услышишь мою версию событий»

Я быстро закрыла сообщение. «Лазанья в холодильнике»! Хорошо же этот коварный тип меня изучил – знает, на какие клавиши давить. Мне до ужаса захотелось лазаньи, но я подавила этот порыв и купила у бородача овсяную печенюшку. Тоже вкусно! Хотя и далеко не лазанья. Что же касается Сашиного выступления, то я, может, и послушала бы его «версию событий», но не на полный зал пьяных гостей. Саша стендапер, выступает в разных клубах уже много лет. Большого успеха не добился, но есть свой круг поклонников. И поклонниц. Мы с ним и познакомились на «открытом микрофоне», куда меня затащила та самая подруга Таня. Сказала, что будет весело и я не пожалею. Так и вышло. Я и сейчас не жалею. Хотя представляю, какие гадости он сегодня про меня наговорит. Он любит безжалостный чёрный юмор и жёсткие шутки. Если уж решает кого-то приложить, мало не покажется. Ох. Лучше об этом просто не думать. Но как не думать о том, о чём всё время думается?

– Ваш кофе готов, – сказал бородач. – Приходите к нам еще.

– Обязательно, – кивнула я. – К кому мне ещё ходить? Только к вам.

– Кстати, я Боря.

– О, прекрасно! Мне будет очень легко запомнить. Бородатый Бариста Боря. Бэ бэ бэ!

– Да, можете так и звать: «бе-бе-бе»! Как овечка. Я отзовусь. А ваше имя?

– Ася

– Как у Тургенева?

– Да! Люблю пить кофе, сваренное человеком, читавшим Тургенева.

– Ый.

– Что?

– Сваренный. Кофе мужского рода.

– Ах да. Верно. Не зря вы Тургенева читали... А вы давно здесь работаете?

– Два года. Как Стас ремонт закончил, так сразу открылись.

– Стас?

– А, ты его ещё не знаешь. То есть вы. Или ты?

– Ты. После обсуждения Тургенева вполне можно перейти на «ты».

– Тогда приходи завтра на крышную вечеринку, познакомишься.

– Что? Ах да, «эксплуатируемая кровля». Приду. Меня уже столько людей туда пригласили, что не прийти нельзя.

– Тебе понравится. Это классный дом, и тут самые лучшие обитатели.

– Обитатели Свитера, – улыбнулась я.

– Ага. Свитеране! – подыграл Боря.

– Большое спасибо за кофе. Обязательно приду ещё!

Всё лучше, чем страдать из-за несъеденной лазаньи, добавила я про себя.

3. Жестокий стендап

10.04.26, пятница

– А вас тоже бесит, когда девушка уходит от вас навсегда? Причём делает это каждую неделю.

Редкие смешки в зале.

– Представьте, долбанных пять лет вы делаете для неё всё, а потом один раз – что-то не то. Один, сука, раз! И одно «не то» перекрывает пять лет «всего». Вот она, мать её, женская математика.

Зал разражается аплодисментами, мужик с заднего столика залихватски свистит.

Стендап-клуб на Полянке я знаю, как свои двадцать пальцев. Им владеет Сашин приятель, благодаря чему мой бывший выступает здесь почти каждую неделю. Крутая выщербленная лестница ведёт в стильный подвал, на табуретке сидит охранник, а за мятой, приоткрытой шторкой – небольшой тёмный зал, похожий на пещеру, и только маленький круг света на сцене, а в этом круге – колченогая стойка с микрофоном и кудрявый белобрысый паренёк в растянутой футболке.

Я всё-таки пришла. Любопытство пересилило здравый смысл. Охранник меня узнал, но я невозмутимо сделала вид, что он обознался. Забегаю в зал, спрятав голову в капюшон,

и сразу ныряю в дверь направо, в туалет. Отсюда всё слышно, а если чуть приоткрыть дверцу, то и видно. А вот Саша меня, надеюсь, не заметил, иначе бы сразу заорал на весь зал что-то вроде: «А вот и бывшая пожаловала! Ну что, Ася, вкусные локти?»»

Высунув нос в щёлочку двери, я слушаю, как много он для меня делал, а я не ценила: платил за квартиру, готовил еду, оплачивал отпуска.

- Я артист разговорного жанра. Всё, что имею, я заработал вот этими вот мозолистыми... губами. (Редкие хмыки в зале и громкий хохот какой-то девчонки). Вот, девушка меня понимает. Тоже ртом работаешь, да, красавица? Коллега! (Девушка закрывает лицо руками и трясётся от смеха). Да не стесняйся, тут все этим занимаются. Только бесплатно, как лохи. (Зал хохочет). И вот представьте, работаешь весь вечер языком, приходишь усталый домой, а там – вторая смена! Мой язык просто не выдержал, пацаны.

Зал заржал, а я покраснела до кончиков ушей. Ну зачем про это?!

Дальше Саша переключается на мою подругу Таню. Это новый монолог, но пару раз я его уже слышала – у нас дома. После каждого выступления Саша прослушивает видеозапись, отмечает, на что реагирует публика, замеряет громкость смеха, аплодисментов и немного редактирует текст. Убирает или переформулирует шутки, которые «не зашли», добавляет что-то новое. Первые раз десять монолог тести-

руется на открытых микрофонах и других выступлениях с бесплатным входом, причём за вечер Саша может выступить три – четыре раза в разных клубах, курсируя между ними на электросамокате. Затем доработанный монолог попадает на платные выступления в клубах или на мелких корпоративах, где совершается уже не столько текст, сколько его подача. Ну а после двадцати таких прогонов Саша записывает и выкладывает идеальное видео, как он весело и артистично шутит и как радостно смеётся зал.

Монолог про Таню сырой и злой, мне он не нравится. Злобные шутки про её лишний вес, про глупость, про ошибки в словах и ударениях.

– Когда она звонит, я всегда отвечаю, но обычно она звонит, и тогда я сразу ложу трубку. Хотя... из неё могла бы выйти прекрасная стройная девушка. Жаль, что она её съела.

Все ржут, а свистун с заднего столика чокается со своей толстой спутницей. Похоже, им очень весело от шуток про толстух.

Моя подруга всегда бесила Сашу почему-то. А ведь мы и познакомились благодаря ей. Я никогда не ходила ни на какие стендапы, и даже по ТВ не любила такое смотреть. Почему-то это всё мне было не смешно. Но однажды Таня зашла на OpenMic – «открытый микрофон». И началось...

– Девушка, как вас зовут? Да-да, именно вас, не прячьтесь за широкую спину подруги, я вас всё равно вижу!

– Ася.

– Ась?

– Ася.

– Ась-ась?

Я молчала, а нахальный кучерявый комик продолжал на-
пирать:

– Вы хотите поужинать со мной после выступления или предпочитаете сразу заняться сексом? Выбирайте сейчас, от вас зависит длина моего выступления. Если выбираете секс, то мне осталась всего одна шутка, и погнали! Не волнуйтесь, номер я уже забронировал. Я всегда так делаю перед выступлением в этом баре. Секс с красивой шатенкой входит в мой райдер. Но сегодня она не пришла, так что у вас появился шанс.

Все вокруг смеялись, даже Таня заливалась хохотом, а я ещё никогда в жизни не чувствовала себя так неловко. Но как ни странно, ужин состоялся. После выступления наглый комик куда-то ушёл, а вскоре за наш столик подсел очень вежливый и даже застенчивый парень. Всю его браваду как ветром сдуло. Он даже немного заикался, когда предложил нам продолжить вечер в другом месте. Я и ответить не успела, Таня тут же согласилась, и мы отправились в соседнюю кальянную. Там Саша немного расслабился, снова стал весёлым, искрил шутками, но уже не едкими и злыми, а милыми и галантными. Осыпал нас обеих комплиментами, обещал посвятить каждой по монологу. Смешно, но это легкомысленное обещание он в итоге исполнил. И монологи ис-

полнил. А лучше бы не исполнял...

— А вы когда-нибудь замечали, что стоит вам расстаться с девушкой, как у её подруги тут же летит винда или ломается стул? Я имею в виду стул, на котором сидят, о проблемах с другим стулом я предпочитаю не знать. Хотя судя по габаритам этой подруги, стул там прекрасный! Но не тот, на котором сидят! Тот — ломается ещё до того, как она на него сядет. От ужаса при виде надвигающейся жопы. (Хохот). И знаете, я его понимаю. Когда я вижу надвигающуюся на всех нас глобальную жопу — во мне тоже что-то ломается... Короче, всё у этой подруги сразу портится, и только вы в своём суперменском плаще можете ей помочь! Кто сталкивался с таким, похлопайте? (Все хлопают, даже девушки, а свистун с полной спутницей тычут друг в друга пальцами и гогочут). Ну что ж делать, парни, надо помогать девушкам, верно? Главное только в процессе этой помощи не сломать кровать. А то останется бедная девушка с починенным стулом и сломанной кроватью. Нехорошо! Зато будет где посидеть. Вместо вашего лица, ха-ха!

Господи, ну и гадости он несёт! Готов на любое враньё и клевету, лишь бы выжать из публики вожаденные смешки. Из публики, которая забудет его через минуту, лишь только поднимется на эту сцену, задрапированную красным бархатным занавесом, новый комик с новыми тупыми и пошлыми шутками.

Кажется, теперь я не люблю стендап ещё больше, чем до

знакомства с Сашей. Хотя все пять лет наших отношений с удовольствием ходила на Сашины выступления, смеялась и над его, и над чужими шутками. Была уверена, что рассмотрела этот вид искусства, поняла его суть, увидела запрятанную в его глубине красоту и боль. Хороший стендапер всегда рассказывает про свою боль. Но чтобы было смешно, он должен её обесценить, низвести свои чувства до самых грубых и примитивных позывов, растоптать в грязи. И теперь я чувствовала отвращение и к этому жанру, и к человеку на сцене, топчущему моё и своё прошлое.

Как же незаметно иногда меняется человек, и как незаметно наше окружение перекраивает наши вкусы и взгляды на мир, без нашего согласия, но и без сопротивления, самым простым и естественным образом.

– Обидно, когда сочинил монолог, размазывающий бывшую по стенке, а она не пришла. Это как если ты придумал ответ пацану, обидевшему тебя в пятнадцать лет, а вам уже по тридцать пять.

Смешки совсем редкие, скорее вежливые, чем весёлые. Залу надоела эта тема. Публика вообще такая капризная и переменчивая, что нет ничего глупее, чем лезть из кожи вон, лишь бы ей угодить. Но именно этим и занимаются тысячи комиков по всему миру. Сначала шутят из последних сил, а потом впадают в депрессию. Саша сам говорил, что комики – самые унылые люди в мире. И дома я часто видела его в отвратительном настроении: угрюмого, раздражительного,

часами играющего в свои стрелялки и громко матерящегося без особого смысла. И чаще всего такое настроение накрывало его именно после выступлений – даже не самых провальных. Он говорил, что публика высасывает из него все соки. И всё равно он любил её и страстно мечтал завоевать её любовь. Любил, наверное, куда больше, чем меня.

Сейчас он, впрочем, не сдаётся. Оставив, наконец, нас с Таней в покое, Саша достаёт из рукава свои старые проверенные шутки и вставляет их ни к селу, ни к городу. Но люди ржут и хлопают, он добился вожацкой реакции, он победил.

Под конец он делает закольцовку и возвращается к излюбленной теме:

– Используйте мой совет, парни, иначе окажетесь в полной жопе. Такой же полной, как жопа подружки моей бывшей!

Зал взрывается хохотом и аплодисментами. Свистун с заднего столика залпом допивает пиво и целует свою толстую подругу. Играет весёлая музыка, Саша отдаёт микрофон ведущему и вприпрыжку сбегает со сцены. Сбегает и бежит напрямик в туалет, где я прячусь. Туалет этот, как говорит Саша, внегендерный, так что наша встреча почти неминуема, но я всё же успеваю закрыться в одной из двух кабинок. Саша заходит во вторую, и я слышу, как он мочится, напевая популярную песенку.

Я думаю о том, как хорошо, что Тани нет в зале, и она даже не подозревает, какие гадости этот самодовольный при-

дурок рассказывает всему миру за её спиной. Но вот он выходит, и я осторожно приоткрываю дверь, чтобы улучшить момент и сбежать из этого юмористического притона. Но в этот момент я вижу такое, что только чудом сдерживаюсь, чтобы не заорать на весь клуб. Я не верю своим глазам. Саша стоит всего в полуметре от меня, а к нему откуда-то с первых столиков спешит Таня собственной персоной. В моей голове рой мыслей. Она была здесь? Она всё это слышала? Он знал об этом? Зачем она вообще пришла?

Таня с улыбкой до ушей подбегает, быстро обнимает его, хватая под руку и уводит в сторону раздевалки. Я жду какое-то время в полном смятении. Вспоминаю её СМС с вопросом про мои планы на вечер. Так что же, она хотела пойти на этот концерт со мной? Или хотела убедиться, что я не приду? А может, она писала по его поручению? Что у них за отношения вообще?

Выждав немного времени, я бегу к выходу. В гардероб мне не надо, я так и не сняла ветровку, и теперь её капюшон, я надеюсь, охраняет меня от взглядов общих знакомых, уже толпящихся на лестнице. Выскочив на улицу, быстро шпарю в сторону метро и вскоре догоняю знакомую парочку, идущую под ручку и громко болтающую о чём-то весёлом. Наверное, потешаются надо мной. Таня постоянно поворачивает к нему светящееся от радости лицо. Одна часть меня хочет подойти к ним, огорошить какой-нибудь едкой фразой, жёстко унизить, но побеждает другая часть, которая желает

только одного – поскорее сбежать и забыть этот вечер как страшный сон.

Забыть, конечно, не получается. Даже добравшись до дома и зарывшись под одеяло, я продолжаю прокручивать в голове Сашины фразы: «Пять лет я делал для неё всё», «У подруги полетела винда», «Главное – не сломать кровать». Вроде ситуация – самая банальная и очевидная, которая только может быть, но мозг отказывается верить. Неужели я одним махом потеряла не только любимого парня, но и лучшую подругу?

Я вспомнила, как ещё совсем недавно Саша уговаривал меня поехать вместе на Хибины кататься на горных лыжах, говорил, что мы мало видимся и отпуск – прекрасный шанс побыть вдвоём и вспомнить, что мы всё-таки любим друг друга, а не только бесим и злим, как было в последнее время. Я тоже очень хотела отдохнуть вдвоём, но только в каком-нибудь более тёплом месте. На лыжах я не катаюсь, холод ненавижу. Кое-как пережила эту длинную зиму, добралась до апреля, когда можно спокойно ходить по улице, а не бежать, закутавшись в тяжёлую одежду, из одной точки в другую. Я даже видела подснежники в парке! Ещё совсем немного – и лето... И опять ехать в зиму?

Отказать сразу я не решилась, обещала подумать. Но спустя время, всё-таки объявила: хоть режьте меня, а на Кольский полуостров, к пингвинам и белым медведям я не поеду. Саша сразу обозвал меня идиоткой, ведь пингины живут

в Антарктиде, а белые медведи плавают по льдам в Ледовитом океане, но главное – он уже купил нам билеты! А я своими капризами опять всё порчу. Тут уж я вскипела. Пять лет он живёт со мной, прекрасно знает мои вкусы и предпочтения, и всё равно тащит туда, куда хочется только ему. Будто я вещь, которую можно сложить в чемодан, не интересуясь её мнением. Вот после этого он и вылил мне на голову чай с чабрецом. К счастью, уже остывший.

– Остудись, – сказал он. – А то растопишь весь снег в Хибинах. Пингвины тебе такое не простят.

А я побрела собирать вещи и съезжать от него. Было страшно и грустно, но дальше так продолжаться не могло.

Я чуть не разревелась от обиды, но вдруг меня отвлекло блюмканье эсэмэски. Альбина написала, что надо скинуться на завтрашнюю вечеринку. Я скинулась, не раздумывая: хоть к чёрту на куличики, лишь бы отвлечься от всего этого кошмара. И тут же пришло сообщение с незнакомого номера:

«Послаще, погорше или с кислинкой?»

«А вы кто?», поинтересовалась я.

«Это Рома, который ел эклер. Составляю список коктейлей на завтра, чтобы закупиться. Ты какие по вкусу коктейли любишь?»

«Хочу послаще, Рома», ответила я и невольно расплылась в улыбке. Прозвучало весьма двусмысленно, но он сам так поставил вопрос. Флирт с соседом по дому? Почему бы нет? Он, кажется, милый. Горечь утрат и моя кислая мина мне

уже самой надоели. Да, Рома, я хочу послаще. Очень хочу!

«Будет исполнено», ответил он.

4. Подозрительная вечеринка

11.04.26 суббота.

– Меня зовут Клариса, жена вон того симпатичного брюнета в свитере своего дедушки.

Стройная изящная блондинка лет тридцати пяти дружелюбно протянула руку, и я торопливо её пожала.

– Очень приятно, Ася!

– Прекрасное тургеневское имя. Лиричное и романтическое – не то, что разухабистая «Настя».

Я её чуть не расцеловала. Она понимает!

– Как вам в нашем Вязаном доме? Нормально устроились?

– Ой, да, тут очень уютно! Студия маленькая, но это даже удобно. Не надо ходить из угла в угол. Всё близко, только руку протяни.

– Понимаю, – засмеялась она, отхлёбывая из своего бокала. – Я в общаге так жила. Села на кровати и сразу попала на кухню. Вот здесь стол, на нём плитка с кастрюлькой, под столом холодильник, а над кроватью – полка с книгами. А больше ничего и не надо! Можно было с этой кровати вообще целый день не вставать. Но потом Стасик забрал меня из этого рая, и теперь я каждый день нахоживаю по квартире свои десять тысяч шагов.

Я улыбнулась. Жалоба из серии «Богатые тоже плачут», но сделаю вид, что не заметила этого затаённого хвастовства.

– Квартира хорошая и дом отличный, – повторила я, оглядывая крышу, покрытую уютным зелёным искусственным газоном. – Только трубы в туалете что-то свистят, особенно по ночам. Мне этой ночью даже показалось, что они что-то говорят, только неразборчиво.

– Ну, – задумалась Клариса. – Это ведь довольно старый дом. До революции ещё построили. Видишь вот тот бизнес-центр? Там был оборонный завод. А вон те страшные хибары – бывшие оружейные склады. Ну а в нашем доме было заводууправление, начальство всё сидело.

– Наш дом самый красивый в районе, – сказала я. – Я ещё никогда не встречала таких необычных орнаментов из кирпича.

– Съезди на Крапивенский переулок в центр Москвы, там есть Константинопольское патриаршее подворье – похожий дом, только побольше. Его построил архитектор Сергей Родионов в конце девятнадцатого века. Там тоже красота. Но наш дом, конечно, лучше! Родионов смешал восточные орнаменты, так называемый исламский стиль с древнерусскими мотивами, и получился очень нарядный и необычный дом. Ну а наш дом этому же архитектору заказал Павел Ермошин, владелец страхового общества «ЕрмошинЪ и сыновья». Это уже начало двадцатого века. Здесь он устроил доходный дом – правда, ненадолго. В семнадцатом году дом реквизируют – для нужд революции, разумеется.

– Как интересно! – воскликнула я. – Всегда хотела пожить

в доме с историей.

– Теперь это снова доходный дом, – улыбнулась Клариса.
– Только уже нашей дорогой Ирины Петровны.

Подошёл её муж, интеллигентного вида мужчина с короткими чёрными кудрями как у барашка и в очках с массивными линзами. Свитер на нём и правда был старомодный и весь в катышках – ну точно, дедушкин.

– Дорогая, мясо скоро будет готово, – сказал он, приобретая жену.

– Очень хорошо, дорогой, – кивнула она. – А Макс скоро придет?

– Написал, что уже выехали. Масик капризничал, поэтому немного задержались.

– Это мой муж Стас, а это наша новая квартирантка Ася. Она во второй апартамент заехала.

– Витин? – очень тихо спросил Стас, и Клариса еле заметно кивнула.

Опять этот Виктор! Тяжёлый мужчина, повесившийся на крюке от люстры. На этот раз я решила не задавать уточняющих вопросов. И так уже понятно, что обсуждать эту тему тут никто не хочет.

– Очень приятно, – Стас протянул мне руку. – Как вам квартира? Всё удобно, ничего не мешает?

– Мой муж выкупил это здание на торгах, – сообщила Клариса. – Полностью отреставрировал и разделил на квартиры. Здесь каждая мелочь продумана и обустроена с большой лю-

бовью к людям. Он у меня такой, ну очень заботливый, – она погладила мужа по голове.

– А я думала, это дом Ирины Петровны, – вконец запуталась я.

– Это моя мама, – объяснил Стас. – Купил ей небольшое хобби на пенсии.

– Ох, а вы и правда очень заботливый. Хотела бы я такого сына! – искренне воскликнула я и сразу погрустнела. Будет ли у меня когда-нибудь хоть какой-нибудь сын? Учитывая плачевную ситуацию в личной жизни и пять лет, потраченных на неподходящего человека.

Клариса со Стасом отошли, а я огляделась. «Эксплуатируемая кровля» нашего дома оказалась ужасно уютной. Мягкий весёлый газончик, толстобокие бежевые диваны, большие плетёные качели, пара столиков под зонтиками. С краю мангал, над которым колдовали Стас и бородатый бариста Боря. А неподалёку стол, уставленный бутылками – импровизированный бар, за которым орудовал Рома, окружённый страждущими соседями. Я решительно подошла к нему.

– О, девушка с зелёной табуреткой! – радостно воскликнул Рома. – Мохито или Маргарита?

– Здравствуй, мужчина с эклером, – улыбнулась я. – Мохито, пожалуйста.

– О, Ромашка делает лучший мохито в мире! – воскликнула незнакомая девушка, похоже, уже весьма пьяненькая. – Машуль, подтверди?

– Подтверждаю, – хрипло сказала Машуля, вид которой меня очень удивил. Это была старушка лет семидесяти, с седыми, гладко зачёсанными в пучок волосами и в строгом старомодном костюме: длинная тёмно-синяя юбка и такой же пиджак с янтарной брошью в виде цветка. На ногах у неё были плотные серые колготки и чёрные туфли-лодочки. Примерно так выглядела наша завуч в начальной школе. Машуля тоже пила мохито и смотрела на меня исподлобья, будто в чём-то подозревала. Я отвела взгляд и стала глазеть вниз, на улицу. Дворник Нурмырза брёл вдоль дома, громыхая пустой тачкой. А на старой изогнувшейся берёзе, прямо на уровне моих глаз, сидело два элегантных грача.

– Грачи прилетели! – воскликнула я.

– Алексей Саврасов, картина маслом, – засмеялся Ромашка. – Блин, мята кончается. Будет твой мохито не очень *мятый*. Машуль, а у нас ещё осталась мята, не помнишь?

– Вроде да, – скрипучим голосом ответила старушка. – Сходить?

– Да я сам попозже схожу.

Рома дал мне коктейль, и пьяненькая девушка сразу протянула свой бокал, чтобы чокнуться.

– Кстати, я тоже Маша, – представилась она. – Легко запомнить. Только она Машуля, а я Мария, не перепутай!

– Вас трудно перепутать, – сказала я. Мария была совсем молоденькой на вид девчонкой с чернящими нарощенными ресницами и пухлыми утиными губками.

Я назвала своё имя, повернулась к Машуле и чокнулась с ней тоже. Она по-прежнему смотрела мрачно, и я попыталась как-то наладить контакт.

– У вас волосок на пиджаке, – тихо сказала я. – Можно я уберу?

Я протянула руку, но старушка с изумлением уставилась на меня, резко отшатнулась, повернулась и молча ушла к столикам.

– Это платье, а не пиджак, – поправила меня Мария и с ухмылкой взглянула на Рому. – Что-то твоя сегодня не в духе.

Тут уже я окончательно пришла в замешательство. «Твоя»? Это в каком смысле?! «Твоя бабушка»?

Рома пожал плечами:

– С ней такое часто в последнее время. ПМС затянулся. Девочки, я за ингредиентами схожу, присмотрите пока за нашим баром.

Он ушёл, а к нам подошла Альбина.

– Девчонки, винишко ещё осталось?

– Сколько угодно! – радостно сообщила Мария. – Тебе какое?

– Да я уже вот это пью, испанское, – Альбина сама наполнила свой бокал. – Клариса говорит, это лучшее из красных вин, а я её вкусу доверяю. У них со Стасом бар в центре, она туда часто навещается.

– Не знала, – подивилась Мария. – Да они настоящие оли-

гархи, похоже! У них случайно нет ещё одного сына, неженатого?

– Нет, у них всего один и женатый, – засмеялась Альбина.
– А если бы был, я бы с ним первая замутила!

– А ты давно их знаешь? – спросила я.

– Да уже и не помню сколько. Я Ирину Петровну знаю с детства, она была моей преподавательницей в музыкалке. На баяне учила играть.

– Ха-ха, ты что, баянщица?! – зашлась пьяным смехом Мария.

– Ну так, – усмехнулась Альбина. – В далёком прошлом. Но «Калинку-малинку» могу сыграть. Если винишка хватит. А вот Ирина Петровна – монстр. Она на баяне даже Вивальди шпарит!

– Неужели ей нравится вместо музыки и преподавания сдавать эти квартиры? – удивилась я. – Это же куча хлопот, наверное. Постоянная головная боль.

– Нравится, даже очень. Она уже лет десять, как не работает. На пенсии кукует. И этот дом её буквально спас от тоски.

– От какой тоски?! – поразилась я. Ирина Петровна казалась мне очень живой и оптимистичной женщиной.

– От зелёной!

Мария вновь затряслась от хохота.

– А вы что думаете, девочки, легко сидеть дома и ничего не делать? – вопрошала Альбина, размахивая руками и чу-

дом не проливая своё испанское вино. Вопрос был с подвохом. Мне-то всегда казалось, что жить без работы не только легко, но и очень даже желательно. И я бы с радостью так жила, если бы могла. Но Мария уверенно замотала головой, подтверждая, что такая жизнь – суший кошмар.

– Ну вот она с ума и начала сходить, – продолжала бывшая баянистка. – Ничем не интересовалась, ничего не хотела. Вообще потеряла интерес к жизни.

– Да ваще, представляю, – встряла Мария. – Жить без работы очень скучно, сама такое проходила. Когда в универе училась. Денег нет, приходится с предкам жить! Что хорошего?

– Ну и вот, значит, – заключила Альбина. – Стас с Кларисой ей пытались помочь по-всякому – ничего не помогало. А потом Клариса придумала подарить ей этот доходный дом. И Ирина Петровна сразу ожила. Теперь у неё есть дело жизни. И свою квартиру на втором этаже обустроила, как ей хотелось, и квартирантов опекает. Как наседка с утятами.

– С цыплятами? – уточнила я.

– И с цыплятами тоже, – согласилась Альбина. – Морфею тоже здесь нравится. Кстати, вот и он.

Аккуратно ступая своими мягкими лапками, к нам приблизился пухлый котяра. На этот раз он был в золотистой вязаной короне на завязочках и такой же золотистой кофточке, еле застёгивающейся на круглом белом пузике.

– Морфеюшка! Именинник ты наш! Хороший котик,

сладкий котик! – завохотали обе девушки, нависнув над бедным животным и наглаживая его со всех сторон.

Я поставила пустой бокал на стол и отошла к дивану, на котором как раз освободилось место. Там уже сидела пара: блондинка с короткой мальчишеской стрижкой и парень в облегающей майке с татуировкой на накаченном бицепсе.

– Можно к вам присесть? – спросила я.

– Конечно, чего нет, если да, – запутанно ответил парень и чуть подвинулся. Я плюхнулась рядом.

Мы перекинулись парой вежливых фраз. Кажется, они даже представились, но я не запомнила. Слишком много новых лиц и имён в последние дни. Оперативная память начала давать сбой.

– Что-то холодно становится, – сказала девушка. – Солнышко совсем недолго нас грело, и опять всё небо в тучах.

– Чего, Зай, принести типа плед? – вскочил парень.

– Да, милый, если тебе несложно.

Парень убежал, а я чуть не прослезилась от умиления. Вот она, идеальная любовь! Сюсюсю, мимими! Со стороны немножко даже противно, но это, конечно, всего лишь зависть. Кажется, у нас с Сашей тоже так было, но очень давно. Примерно в позапрошлой жизни. «Конфетно-букетный» период. Правда, букеты он мне редко дарил, да и сладкое я стараюсь не есть, но рыцарские ухаживания, милые словечки и укутывания в плед имели место быть. Пару-тройку месяцев, пока не съехались. Потом все сюсюканья как-то постепенно

закончились. Хотя ещё года три мы прожили вполне полюбовно, без серьёзных ссор. Даже продолжали иногда подолгу целоваться в губы, чем далеко не каждая долго живущая пара может похвастаться... Потом и это куда-то ушло.

Интересно, эти двое давно вместе? Задать столь личный вопрос я не решилась, поэтому пошла обходным путём:

– А вы давно здесь живете?

– Полгода, – ответила девушка.

– Вдвоём, наверное, тесно в такой маленькой студии?

– Мы на втором этаже, там апартаменты побольше. Да и мы уже привыкли. Минимум вещей и минимум потребностей. Маленькая квартира помогает избавиться от лишнего хлама в жизни.

– Да, это полезно, – согласилась я, вспомнив свой одинокий чемодан вещей.

Подошёл качок с пледом:

– Зая, там, короче, типа мясо готово. Тебе того-сего принести? Овощи там и всякое на гриле.

– Спасибо, Котик, я лучше сама возьму.

Зая с Котиком ушли, а я поплелась за ними. Полгода живут, ну надо же. И не достали ещё друг друга. Хотя, может, это только на людях показуха. Да, буду лучше так считать, чтобы не завидовать.

После некоторой суеты мне удалось завладеть одноразовой тарелкой с несколькими кусочками мяса и овощей. Усевшись обратно, я осторожно пыталась есть еду, держа тарел-

ку на коленках и стараясь не перемазать красивый кожаный диван.

Подошёл Рома со своей тарелкой и двумя бокалами.

– Бери, – сказал он. – Ты же любишь белое сухое?

– С чего это ты взял? – удивилась я. К белому вину я всегда была равнодушна и считала безвкусной кислятиной.

– Интуиция, – сказал он и брякнулся рядом. – Я вижу всех женщин насквозь.

– Уж лучше честно признайся, что налил это кому-то другому, – засмеялась я.

– Чёрт, ты меня раскусила. Это Машулькино любимое вино, но она убежала куда-то. Что-то не в настроении сегодня. Ты, кстати, заметила, как вы с ней похожи?

– Похожи? – я посмотрела на него как на ненормального. Как я могу быть похожа на седовласую старушку с пучком на голове? Или он про характер? Но я вроде никуда ещё от него не убегала.

– Ну да, и волосы, и фигура. Вас издали перепутать можно.

Определённо он сошёл с ума.

– А ты с ней... ну... давно знаком? – с трудом выговорила я.

– Да пару лет уже. Это моя девушка.

– Твоя... девушка?!

Я ничего не понимала.

– Ну да. Сам удивляюсь, чего она во мне нашла, но вот так.

Тут меня осенило. Они все издеваются надо мной! Вся

эта странная вечеринка – задуманная инсценировка, чтобы свести меня с ума! Ну правда, как ещё объяснить весь этот бред? Господи, так они, наверное, и моего предшественника с ума свели. Бедный Виктор! Вот, значит, почему он повесился. И что, теперь они и от меня ждут того же? Отмыли табуретку и ждут. Еще и издеваются: ах, какая красивая табуретка, воспользуйся ею поскорей!

Несмотря на всю бредовость этой теории, в тот момент она показалась мне единственным логичным объяснением, ставящим всё на свои места.

«Надо съезжать, – подумала я. – Срочно съезжать. Вот я дура! Нашла «недорогую уютную квартиру»! Нет, с этим *вязаным домом* точно пора завязывать!»

Я решительно встала, намереваясь отправиться домой, но в этот момент вся публика восторженно закричала и обступила какого-то человека. Мне стало любопытно, и я тоже подошла.

Оказывается, это приехали те самые Максик с Масиком. Максик – сын Стаса с Кларисой и внук Ирины Петровны, а Масик – свежеродившийся сын этого сына (внук и правнук соответственно). Его тоже зовут Максим, но размером он пока меньше кота Морфея.

– Господи, тощий-то какой! – кружила вокруг внука Ирина Петровна. – Иди ешь! Куда ж тебя посадить? Куда, куда...

– Мам, не кудахчи, – урезонивал Стас. – Растёт пока ребёнок, вытягивается.

Я посмотрела на «ребёнка» под два метра ростом и подумала, что быть толстым ему совершенно не в кого. Родители стройны, как кипарисы, да и бабушка не толстая. Упитанный в их семье только кот. Который, кажется, упитывается один за всех.

Наверное, хорошо иметь такую вот дружную семью, подумалось мне. Когда четыре поколения собираются на одной крыше. Правда, глядя на Кларису со Стасом, мне совсем не верилось, что у них уже есть внук. Уж очень молодо они выглядели, и дело даже не в отсутствии морщин, а в огоньках радости и интереса к жизни, сверкающих в их глазах.

Максима усадили за столик, выдали еды и бокал с вином. Масик тем временем пошёл по рукам. Казалось, у всех девушек нашего дома, кроме меня, вдруг проснулся отчаянный материнский инстинкт. Его так тискали и тетешкали, что даже кот-именинник почувствовал себя забытым и уязвлённым. Он демонстративно разлёгся на качелях, растянувшись так, чтобы никто не смог сесть рядом. И тут по всей крыше пошёл шёпот: «Тост, тост! Сейчас будет тост! У кого не налито?».

Пить мне уже не хотелось, но делать нечего. Пришлось в очередь к Ромашке за очередной порцией алкоголя. Недопитое белое вино я где-то оставила в уголке и теперь не могла найти. Ромашка не стал возиться с коктейлем и просто налил мне красного. Все сгрудились вокруг Стаса с Кларисой. Стас откашлялся и заговорил:

– Когда я купил этот дом, это была разваливающаяся, разбомбленная изнутри, никому не нужная хибара. И в таком виде она простояла восемьдесят лет. Как её не снесли – великая загадка. Вообще вся территория этого завода – отличная площадка для какого-нибудь комплекса многоэтажек с подземным паркингом и торговым центром, но боженька, или уж не знаю кто, уберёг её от лап алчных девелоперов и сохранил для нас с вами. Я восстанавливал этот дом буквально по кирпичику. По старым фотографиям восстановил чудесный, сказочный орнамент архитектора Родионова. Скажу честно, было непросто.

– Это ещё мягко сказано! – поддакнула Клариса, опрокидывая в себя бокал.

– Вот, жена подтверждает. Работы длились больше года. Нам всё время что-то мешало, как будто сам дом сопротивлялся своей же реконструкции.

– Или наоборот – слишком жаждал её, – вставила Клариса.

– Что ты имеешь в виду, дорогая? – обернулся к ней муж.

– Ты же сам знаешь, милый: когда чего-то слишком сильно желаешь, начинаешь нервничать, спешить и ненароком всё портишь.

– Моя жена чудовищно умная, – сказал Стас, и народ вокруг одобрительно засмеялся. – Даже прожив с ней двадцать семь лет, я не всегда её понимаю. Но тем и интереснее. Никакой тебе скуки и бытовухи, только бесконечное удивление

и восторг.

Супруги чмокнулись в губы, и все радостно захлопали, а их сын, успевший съесть шашлык и выпить, кажется, не один бокал, крикнул: «Горько, родоки!».

– Двадцать четыре, – поправила Клариса, пристально глядя мужу в глаза.

– Учитывая, что тебе всё ещё восемнадцать, даже это непозволительно много, – отшутился муж.

Я не поняла смысла их пикировки. Они что, не могут посчитать, сколько лет прожили вместе? А сколько сыну, интересно? Вряд ли меньше двадцати пяти, учитывая жену и ребёнка. Впрочем, личная жизнь домовладельцев меня мало волновала, а вот история дома – очень даже. Жаль, что Клариса оборвала рассказ мужа, и я так и не услышала, что происходило во время ремонта и чем им так «мешал» этот дом.

Люди всё ещё стояли с поднятыми бокалами, но тут какой-то лысый мужчина крикнул:

– За наш дом!

Все стали чокаться, что-то кричать, обниматься. Кто-то опять крикнул «Горько!» и пары начали целоваться. Я увидела целующихся Заю с Котиком, Марию с каким-то хмырем. Увидела Альбину, одной рукой обнимавшуюся с Борей, а другой прижимающую и тискающую шипяще-взъерошенного Морфея. А вот седовласой Машули всё ещё не было, так что зрелища, которого я так боялась, удалось избежать. Ромашка с бокалом подошёл ко мне:

- Выпьем на брудершафт?
- А потом целоваться надо будет?
- Обязательно!
- И твоя «девушка» не будет против?
- Это же невинный соседский поцелуй.
- Типа как дружеский секс?
- Заметь, не я это сказал!

Я хихикнула. Определенно он был милый, но не настолько, чтобы целоваться с ним после столь немудрёного подката.

– Я боюсь, твоя Машуля на меня порчу нашлёт. Она ведь сейчас где-то там, под нами. Небось всё видит через крышу насквозь и уже проклинает нас.

– Значит, придётся нам сходить на свидание, – не растерялся мой кавалер.

– Или подождать, пока на свидание уйдёт она, – попыталась я его поддеть. Надеюсь, он в курсе, что измена – не мужское священное право, и может стать обоюдной.

– Она никуда не ходит, – неожиданно брякнул он.

– Как это? Вообще никуда?

– В последнее время да. Она вообще странная стала. Ладно, не хочешь целоваться – не надо. Твоё здоровье!

Он протянул бокал, мы чокнулись, и он пошёл к своему барменскому столику. А на крыше тем временем образовался танцпол. Из колонок доносился свежий пристающий хит от набитой силиконом блогерши:

Ты прекрасно знаешь мой обычный ответ:

Без денег – нет! Без денег – нет!

Танцующие разухабисто извивались и дрыгали конечностями, но мне танцевать совершенно не хотелось. Я легла на качели и качалась, глядя на беззвёздное, затянутое плёнкой тумана московское небо. Я в этом доме только третий день, а уже увидела и услышала столько странного! Кажется, я даже забыла свою личную драму, настолько глубоко погрузилась в эту странную, притягательную и немного пугающую атмосферу.

Что-то явно не так с этим домом. Слишком много катышек на этом Вязаном Свитере. И ни одной зацепки. Но я их найду. Не зря же я здесь оказалась?

Тут мне на горло навалилось что-то тяжёлое. Я всхрипнула, задышавшись. Голова закружилась, я не могла вдохнуть, но всё же из последних сил протянула руки и отодвинула жирного кота, который примостился всей тушей прямо мне на шею. Кот громогласно заурчал и выгнул спинку, показывая, в каком месте я обязана погладить. Я охотно выполнила его требование.

– Ты же наверняка всё знаешь, Морфейчик. – проговорила я, почёсывая пушистую морду. – Все разгадки всех загадок. Но как всякий умный человек, предпочитаешь помалкивать. Даром что кот.

Кот внимательно посмотрел мне в глаза, широко открыл пасть и сладко зевнул.

5. Напряженный разговор

30.04.26 четверг

Мой милый, добрый Петер! Спасибо за твои чудесные гостинцы! Такую вкусную колбасу мы с мамочкой, кажется, не ели с 42 года. Если бы ты только смог достать для нас хороший, турецкий кофе! По карточкам нам выдают какую-то отраву, а на чёрном рынке цены задрали до невозможности. Также нам очень не хватает твёрдого сыра и жирного сливочного масла.

Ты пишешь, что не можешь приехать из-за болезни сына, маленького Иоана. Это большая жалость, и я от всего сердца молюсь за скорейшее выздоровление крошки Иоанхена. Да хранит его дева Мария и святой Бонифаций. Но, может, ты смог бы прислать посылку с курьером? Я говорю про того молодого солдата, который приносит твои письма. Ты бы очень помог нам с мамочкой выжить. Этот голод – сущее наказание! Больно смотреть, как страдают невинные дети и старики, не имея вдоволь пищи, чтобы насытиться, и одежды, чтобы согреться.

С болью в сердце и камнем на душе прочла я твою выписку о гибели моего несчастного Пауля в далёкой и холодной Москве. Ты можешь думать иначе, и тебя нельзя за это винить, но я горжусь, что мой муж умер как герой, выполняя священный долг сына своей Родины. Верю, что он смотрит

на нас с небес и радуется, что мы живы и храним вечную память о нём.

Спасибо тебе, милый Петер, за все благодеяния, которыми ты нас одариваешь. Молюсь за тебя каждый день и жду ответного письма.

Твоя верная Matreshka.

От писем этой слащавой лицемерки меня чуть не тошнило. За работу по их переводу мне должны дополнительно молоко давать – за вредность. Но ирония заключалась в том, что я по-прежнему не решалась отправлять эти послания Ивану Петровичу («крошке Иоанхену, ха-ха») и, соответственно, не получала за них никакой оплаты. Но и не могла просто взять и отложить в сторону исписанные аккуратным ажурным почерком листы, всё равно переводила. Противно, но интересно. Guilty pleasure*.

Интересно, понимал ли Пётр Никифорович, что фройляйн Марта его просто использует? Думаю, да, он ведь не был глупым человеком. В своих воспоминаниях он о ней ничего не писал. Наверное, всё понимал, но цена такой «любви» его устраивала. Колбаса и кофе – недорого за молодую девушку. Хотя в те времена, судя по всему, это было целое сокровище. Может, эта Марта была очень красивой или искусной в постели? Мужчины вообще странные. Никогда не поймёшь, чем их так привлекла та или иная женщина. Он может восхищаться стройностью и умом одной девушки, а потом вдруг полюбить толстуху, которую всегда терпеть не

мог и считал тупой.

Тут я, конечно же, опять начала думать про своего бывшего парня и бывшую подругу, ибо это вечный крест фрилансера – делать что угодно и размышлять о чём угодно, лишь бы не работать. Мне, как и многим, нужен надсмотрщик с бичом, чтобы работать эффективно и не отвлекаться каждые пять минут. И в то же время я всегда ужасно боялась такого надсмотрщика, поэтому даже под угрозой безденежья не хотела устраиваться на постоянную работу с жёстким графиком и ежемесячными выплатами.

А между тем, приближался день очередной оплаты за мою новую студию. Хотя уже не такую новую, а вполне обжитую. За три недели я купила разных уютных мелочей для дома: яркую посуду, горшок с сиреневым суккулентом и придверный коврик с лягушатами. На берёзе в окне появились первые листочки и повисли жёлтые серёжки. Даже к шёпоту канализационных труб я привыкла и сладко спала под их заунывное «идубуду... идубуду...»

Решилась я и навестить бывшего, чтобы забрать турецкую турку, две старинные английские тарелки, зимнюю одежду и другие вещи, которые хоть и не нужны были прямо сейчас, но лучше уж закрыть этот вопрос раз и навсегда, окончательно и бесповоротно. Отрезать все пути к отступлению.

С такими мыслями я и приехала неделю назад в нашу (но теперь уже не нашу) квартиру. Саша встретил меня равнодушно, сказал с усмешкой: «Забирай всё, что хочешь – не

жалко!» и уселся обратно за комп. Комната была завалена пустыми пивными бутылками и коробками из-под пиццы. Больше всего я боялась, что найду там пачки от презервативов или ещё какие-то следы пребывания Тани, но от этих сюрпризов судьба меня уберегла. В общем, пока я ходила по квартире, собирала вещи и еле сдерживалась, чтобы не разреветься от тоски и утраченных надежд, Саша сидел за компом, играл в свою игрушку и делал вид, что всё происходящее ему глубоко безразлично.

В холодильнике я нашла контейнеры с какими-то пирогами, бутербродиками-канапе и кусок свадебного торта. Я поняла, что Саша недавно вёл очередную свадьбу (а именно свадьбы и другие праздники, а вовсе не стендап-выступления были его основным заработком) и, как водится, забрал невостребованную еду. Другой еды в холодильнике не было, только заплесневелый кусок сыра, купленный ещё мной, в доразрывные времена. Стало быть, запечённая курица с лимоном в попе и другие кулинарные изыски забыты, и бывший теперь питается стыренными пирогами, пивом и пиццей. Пи, пи и пи. Какой-то мышинный писк, а не еда.

Трудно сказать, зачем я вообще полезла в Сашин холодильник, но это зрелище меня очень растрогало. Стало его жаль почему-то. Значит, я ему небезразлична, раз забил и на правильное питание, и на уборку. Переживает.

А я... Не совершаю ли я гигантскую ошибку прямо сейчас? Столько лет обустроивали эту квартиру, обустроивали

нашу жизнь, наши отношения. И вот так всё разрушить из-за одной ссоры?

Тут я представила, как мы миримся, Саша клянётся больше никогда на меня не орать и не выливать чай, просит у меня руку, сердце и трёх детей, покупает билеты на южное море вместо северных гор, и мы живём долго и счастливо, в любви и сексуальной гармонии...

В этот момент предмет моих грёз зашёл на кухню, ухмыльнулся и сказал:

– Проголодалась? Скушай канапешечку.

– Да нет, – вздрогнула я и захлопнула холодильник. – Просто смотрю, не забыла ли чего.

– Кушай, кушай, там и с рыбкой есть. Ты же, наверно, хочешь и рыбку съесть, и...

Я не удержалась от смешка.

– Спасибо, что-то не хочется.

– Ну тогда садись, дорогая, поговорим, – и он плюхнулся на стул и похлопал ногой по другому стулу, как бы приглашая меня сесть.

Я села.

– Может, пивка?

Я покачала головой. Он помолчал. Видимо, это стендап-выступление не было подготовлено заранее. Потом он вытянул губы уточкой, будто разминая их перед речью, и сказал:

– Асенька, мы вроде взрослые люди, да?

– Вроде да, – согласилась я.

– И все эти игры нам уже не нужны, согласишься?

– Соглашусь, – согласилась я.

– Ну, и тогда долго ты ещё дурить собираешься?

– В каком смысле?

– Да вот эти все твои уезды, приезды, переезды... Мелодраматичные сцены со сбором тарелок. Долго это ещё будет длиться?

– Недолго, – сказала я. – Я уже всё собрала.

Он поднял глаза к потолку, будто досадуя, что вынужден объяснять высшую математику неразумному младенцу.

– Будем ждать, пока у тебя деньги кончатся? Или всё же проявим благоразумие и сейчас решим вопрос?

– Саша, – медленно сказала я, пытаюсь собрать в кучку разбегающиеся мысли. – Даже если у меня кончатся все деньги и я буду лежать при смерти, я всё равно к тебе не вернусь.

– Почему? – спросил он, как будто с интересом.

– А вот поэтому! – вскипела я. – Именно потому, что ты так самодовольно уверен, что я никуда не денусь, я скорее руку себе отгрызу, чем оправлю тебе этой рукой сообщение о примирении! Ты меня не уважаешь, считаешь слабой и зависимой от тебя. Может, я такой и была раньше, но теперь нет. Больше не хочу такой быть. И не буду. Если бы ты не пытался решать всё время за меня, а дал мне право самой выбирать, я бы, может, первая предложила помириться. Но

ты слишком уверен, что я без тебя никто. А я кто.

– Кто? – с ироничной усмешкой уточнил он.

– Человек, – ответила я, с досадой ощущая, что несу какую-то высокопарную банальность. – И у меня есть гордость.

В его глазах вспыхнул огонёк, и мне показалось, что я впервые за долгое время удивила его.

– Скажи мне, пожалуйста, – проговорил он, картинно закидывая ногу на ногу. – Верно ли я понимаю, что наша встреча была ошибкой и ты, так сказать, отдала мне лучшие годы жизни, страдая и мучаясь в оковах нашего романа?

– Нет, – я вновь не удержалась от улыбки. – Знаешь, Саш, один из немногих плюсов жизни с комиком: ты всегда можешь меня рассмешить, если захочешь. Даже во время ссоры и последнего объяснения. Но хочешь этого редко, увы.

– Ну а зачем мне работать бесплатно? Своё блестящее чувство юмора я берегу для платных выступлений.

– Что ж, тогда и я буду серьёзна. Наша встреча не была ошибкой, и все пять лет я была скорее счастлива, чем нет. Но это не значит, что ты пять лет делал для меня всё, а потом один раз «не то». Этих «не то» было очень много! Под конец их стало намного больше, чем «то».

Он демонически ухмыльнулся.

– Ты подослала шпиона на моё выступление?

– Нет, пришла сама по твоему приглашению. И узнала, что я, оказывается, каждую неделю ухожу «навсегда». Кажется, съезжаю я в первый раз, и прошло уже больше недели, не

так ли?

– Что поделаться, юмор – искусство преувеличения, – философски заметил он.

– Да уж, это точно. Ты и свою нелюбовь к Тане преувеличил сверх всякой меры. Обругал её как смог, а потом обнимался и под ручку гулял. Как там, кстати, её сломанная кровать? Починили уже?

– О, мадам ревнует! – преувеличенно громко захохотал он. – Говорят, ревность освежает чувства и подстёгивает страсть. Может, проверим это прямо сейчас? Моя кровать пока не сломана...

Слово «моя» немножко кольнуло. Уже «моя», а не «наша». Ну да, а как я хотела? И конечно же, он не стал опровергать отношения с Таней. Но и подтверждать не стал. В этом весь Александр. Хочет, чтобы я помучалась неизвестностью. И в то же время рассчитывает на секс? А, впрочем, хорошо, когда обидевший тебя человек ещё хоть чего-то от тебя хочет. Это даёт приятную возможность сказать «нет» и послать его куда подальше.

– Ладно, мне пора, – встала я. – Рада, что ты здоров, весел и хорошо питаешься. Вещи я все собрала, больше не потревожу.

– Гудбай, – сказал он, даже не поднявшись со стула.

Я вышла в коридор и медленно надела кроссовки и ветровку.

– Дорогая! – крикнул Саша из кухни. – Повесь ключи на

ГВОЗДИК.

Что? Ох, я совсем забыла! Я ведь должна отдать ему ключи. Вот и всё, вот и итог пяти лет моей жизни. Ключи уныло болтаются на гвоздике. А я иду дальше.

С силой захлопнув обитую дерматином дверь, я побрела пешком вниз по лестнице. В голове почему-то пульсировала эта дурацкая фраза: «повесь ключи на гвоздик», «повесь ключи на гвоздик»...

Проходя по первому этажу, увидела знакомую широкую спину, ожидающую лифта. Спину моей бывшей подруги.

– Привет! – я решила не отказывать себе в удовольствии и крикнула ей приветствие почти в ухо, с удовольствием наблюдая, как она вздрагивает и оборачивает ко мне своё круглое, густо накрашенное лицо.

Таня тупо пялится на меня и молчит, и моя бравада куда-то пропадает. Я тоже молчу и уже жалею, что обратила на себя внимание.

– Как дела? – вдруг произносит она.

– Хорошо, спасибо.

– Чего рисунки свои больше не выкладываешь? Они у тебя прикольные. Как живые.

Неожиданная похвала в самый неожиданный момент.

– Выложу, – говорю я. – А ты что тут делаешь?

– К Саше приехала, – отвечает она таким тоном, будто это самое обычное дело – ездить к бывшему подруги. И не добавляет никаких объяснений.

– Ну пока, – говорю я.

– Как тебе на новой квартире? – вдруг спрашивает она.

– Хорошо, – отвечаю я.

– Проезд номер шестьдесят шесть?

– Откуда ты знаешь? – опешила я. Свой новый адрес я никому не говорила.

– Видела объявление о сдаче квартиры. Сразу подумала, что тебе понравится. Ты же у нас художник, любишь всё необычное! В гости пригласишь?

– Нет, – сказала я. Разговор становился тягостным.

– Мне очень жаль, – говорит она, и я высказываю на улицу. Ещё не хватало выслушивать её лицемерное сочувствие.

Я брела по улице, со стыдом вспоминая свои наивные фантазии у холодильника: о Сашином искреннем раскаянии, обручальном кольце и счастливой совместной любви до гроба. Да скорее рак на горе просвистит арию Тореадора из «Кармен», чем такое чудо случится!

Всё это было неделю назад, и с тех пор я ничего не слышала ни об Александре, ни о Татьяне (я разжаловала их из звания людей, достойных уменьшительного имени). Никаких соцсетей, статусов и сообщений, полный цифровой детокс и печать забвения. А всё-таки иногда, помимо воли, в голове всплывает его ехидная фраза:

«Будем ждать, пока у тебя деньги кончатся?»

Дело в том, что деньги и правда кончались. Точнее, не набирались на следующую оплату. У меня слетел заказ на пе-

ревод меню для нового немецкого ресторана. Хозяин хотел сделать меню на двух языках, но в последний момент решил сэкономить и получить эту услугу бесплатно от гугл-переводчика. Я стремительно теряла конкурентоспособность на рынке и ничего не могла с этим поделать. Искусственный интеллект уложил меня на обе лопатки.

Ещё один платёж от издательства за работу, выполненную ещё зимой, всё время откладывался по самым фантастическим причинам. Последняя отговорка – страшная и неведомая болезнь бухгалтера. Только Иван Петрович платил аккуратно и в срок, по числу присланных знаков с пробелами. Но платил мало, а работа была очень трудоёмкой, и денег даже на скромную жизнь не хватало. До следующего платежа за студию оставалось всего девять дней, и я начинала понемногу паниковать.

Вот в таких печальных мыслях я и сидела на своей зелёной табуретке, рисуя на случайно подвернувшейся бумажке какое-то фантастическое животное среди колокольчиков. Очнувшись и обнаружив этот полуавтоматический рисунок, я достала скетчбук, аквакарандаши и уже осознанно стала зарисовывать свою старинную английскую тарелку с синей китайской пагодой и лежащий прямо на пагоде недоеденный бутерброд с сыром.

И в этот момент постучали... Нет, не в дверь! Постучали в стену. Я не сразу сообразила, что стук идёт со стороны кофейни. И тут раздался бас баристы Бори:

– Ася! Возьми трубку!

Схватила телефон, а там беззвучный входящий звонок от него же.

– Что случилось?

– У тебя сахар есть?

– Ну да.

– Одолжи, а? С меня кофе бесплатный. У нас поставка задержалась, напутали что-то с накладной.

Я взяла початую пачку сахара, купленного ещё в первый день переезда, и отнесла в кофейню. Боря сразу пересыпал часть в сахарницу и придвинул к нетерпеливо ожидающей клиентке. Мы с ужасом наблюдали, как женщина накладывает в свой американо невообразимое количество ложек «сладкой смерти».

– Любите послаще? – иронично спросил Боря.

– Для мозгов полезно, – мрачно ответила женщина и посмотрела с таким видом, будто подозревала в нас полное отсутствие оных.

Боря, чуть смутившись, обернулся ко мне:

– Спасибо, что выручила. Какой тебе кофе сделать в на-
граду?

– Никакого не надо, – качнула я головой и вдруг подняла глаза и горделиво приосанилась. – Я турку у бывшего забрала!

– Минус один клиент, – с притворной грустью проговорил он. – Но ты молодец! Жизнь, значит, в гору идёт?

– Говорят, что ни делается, всё к лучшему, – рассуждаю я. – Я в это, правда, не верю, но...

– Но если верить, то оно так и есть! – парадоксально заканчивает Боря, и я, чуть подумав, соглашаюсь.

Вернувшись в квартиру, натыкаюсь на свой недоконченный рисунок бутерброда на фоне синей пагоды. Вспоминаю, как Татьяна нежданно «осчастливила» признанием, что мои рисунки «живые», и начинаю листать блокнотик. Открываю скетч, сделанный в мой первый день в этой квартире. Зарисовка моей микро-кухни: стол, табуретка, мойка, мини-холодильник, микроволновка, чайник, навесной шкафчик. Тут меня что-то цепляет, и я начинаю пристальнее вглядываться в рисунок, поднимаю голову на оригинал, опускаю, снова поднимаю. На шкафчике я быстрыми небрежными линиями нарисовала что-то круглое, лежащее плашмя, с выступами сверху и снизу. Что-то, очень напоминающее военную фуражку или другой подобный головной убор. Синее сверху и красное снизу.

Я залезла на табуретку и внимательно осмотрела это место. Но кроме маленькой плитки и окружающего её слоя пыли, на кухонном шкафчике ничего не было. И я совершенно не помню, чтобы видела какую-то фуражку в этой квартире, а уж тем более трогала и перекладывала куда-то. Я взяла тряпочку и протёрла пыль на шкафу. Слой пыли был равномерный. Если там что-то и лежало, то очень давно. Откуда же она взялась на моём рисунке? Внезапная фантазия или,

не дай бог, галлюцинация? Час от часу не легче...

* Guilty pleasure – Стыдное удовольствие (англ.)

6. День труда

01.05.26 пятница

15 ноября 1945 года.

Сегодня был очень напряжённый день. Надо закончить перевод и классификацию документов тайной полиции (Gestapo). Наш отдел работал с 9 утра и до 10 вечера, и завтра, по-видимому, придётся работать ещё дольше. Осталось проработать только апрель и начало мая этого года. Послезавтра я выезжаю в Нюрнберг, чтобы работать переводчиком на судебном процессе над нацистскими преступниками. Это большой и очень важный процесс, который открывает всему миру глаза на злодеяния этих нелюдей.

Это делодаётся мне нелегко. Я чувствую постоянную усталость, головную боль и резь в глазах. Жена уговаривает поехать к доктору, но это будет возможно только после Нюрнберга. Я понимаю, что не должен, не имею права жалея себя, зная, какой чудовищной ценой досталась советскому народу эта победа. Сколько людей потеряли жизнь, дом, родных. Если бы я был верующим, как покойная матушка, я бы молился каждый день и благодарил бога, что сохранил свою жизнь и свою семью. И что моя семья имеет тёплую квартиру и кусок хлеба.

И я особенно счастлив и горд, что принадлежу к народу,

который освободил мир от фашистской заразы. От мерзости Гитлера, Муссолини и Хирохито. Я уверен, что эта война будет последней. Человечество получило слишком жестокий и наглядный урок, чтобы даже задумываться о новом вторжении в чужие земли.

Мы пока очень многого не знаем об этой войне и нескоро сможем узнать всё. Возможно, что и никогда. Большие половины документов, переводимых нашим и, полагаю, соседними отделами, получают грифы СС, ОВ и ОП. Один из таких документов мне удалось скопировать для М. Это отчёты группы... эксперимент... 1941... Москва... оружие, которое позволяет... немыслимо и опровергает все наши... Возможно, подлог и дезинформация... Однако 28 мертвы...

На этой странице почерк Петра Никифоровича стал настолько неразборчивым и так пестрил сокращениями, что переводила я скорее по наитию, чем по тексту. А вскоре перевод и вовсе стал невозможен. Глаз с огромным трудом выхватывал отдельные сочетания букв и достраивал их до предполагаемых слов или обрывков фраз, однако нечего было и думать, чтобы увязать эти мозаичные кусочки в связный текст.

Я раздражённо захлопнула ноутбук. Ну что за человек! Когда хочет, пишет ровно, чётко, почти каллиграфически, а когда доходит до чего-то интересного, начинает специально усложнять и портить жизнь своему будущему переводчику. И опять эта противная «Мэ»! Матрешка–парикмахерша.

Для неё он не только находил дефицитные продукты (отнимая их у своей семьи), но и достал какой-то секретный документ.

Я не большой знаток военной истории, но догадываюсь, что такое нарушение правил – большой риск. Грифы СС, ОВ и ОП я не смогла расшифровать, хотя СС – это, наверное, «совершенно секретно», а ОВ – «особо важное» или что-то из той же серии. И он копирует эти секреты для любовницы! Сколько же за такое можно получить? Хорошо, что я уже знаю, как кончится жизнь моего подопечного (очень рано, но всё-таки своей смертью, а не в тюремных лагерях), а то бы переживала за него ещё сильнее.

Хотя переживать надо за себя. Это же мне, а не Петру Никифоровичу платить через восемь дней за квартиру! Но чем? Я уже перешла на тотальную экономию, завтракала сегодня чаем и жареным хлебом с тоненьким ломтиком сыра. Хорошо, что Саша об этом не знает, а то представляю его злорадство! Но я всё равно скорее переберусь в какой-нибудь чулан, чем вернусь к нему. Потому что, если я вернусь к нему из-за денег, он так и не будет меня уважать. А если он не будет меня уважать, мы не сможем жить счастливо. Замкнутый круг, который я должна любыми силами разомкнуть.

Тут в дверь постучали.

– Привет! С Днём Труда! – обрадовала меня Альбина. – Я счётчики пришла сфотографировать. Можно?

– Так у меня же с девятого числа договор?

Я жутко перепугалась, даже голос немного задрожал. Неужели я что-то перепутала, и платить надо сегодня?

– Я помню, всё нормально. Просто я первого числа у всех квартир снимаю показания и отправляю в управляющую компанию. Ну и считаю, сколько кому платить.

Она прошла в санузел и ловким движением отодвинула огромный сантехнический люк.

– А чего ты сушилкой не пользуешься? Может, помочь тебе её достать?

Сушилка на пару с гладильной доской торчала за люком, зажатая между стеной и канализационными трубами.

– Да у меня мало вещей, я их так сушу, где придётся – отмахнулась я. Достать эту сушилку у меня не хватало сноровки, да и боялась что-нибудь там повредить в коммуникациях.

– Не надо где придётся, – строго сказала Альбина, – Есть специально предназначенное приспособление, изобретение китайской промышленности.

– Думаешь, сушилку для белья изобрели в Китае?

– Мне есть о чём подумать, помимо этого чрезвычайно важного вопроса, – проговорила Альбина и, кряхтя и царапая стену за люком, отчего на пол посыпалась цветная стружка, достала-таки и сушилку, и гладильную доску с примотанным скотчем утюгом.

– Спасибо, – сказала я.

– Ты их больше туда не засовывай, – посоветовала она. –

И то потом хрен вытащишь. Это Виктор их засунул. Уж не знаю, чем они ему так мешали.

— Ну, здесь и правда очень мало места. Я когда на унитазах сижу, ноги только под углом помещаются. И то в стиралку утыкаются.

— В тесноте, да не в обиде! — отрезала рыжая риэлторша.

— Это верно, — поспешно согласилась я. — Альбин, а давай чаю попьем?

— Давай, только быстро. У меня, кстати, есть два *тырделки*.

— Два чего?

— Тырделки, это такие чешские трубочки со сладкой пеной.

— А, трдельники! Знаю, были как-то в Праге с Са... В общем, пробовала.

Я поставила чайник и достала свой запас на чёрный день — две рафаэлки. Альбина принесла своё угощение.

— Альбин, а чем ты занимаешься, когда в нашем доме нет свободных квартир? — спросила я. Мысль о необходимости какой-нибудь постоянной работы всё больше завладевала моим сознанием, хотя последнее пока ещё отчаянно сопротивлялось этой перспективе.

— В других домах квартиры сдаю. Или продаю. Я же риэлтор. Хотя мне и с нашим домом хлопот хватает. Вот сейчас семья со второго этажа съезжает, а в их квартиру Максим с семьёй переезжает. Внук нашей Ирины Петровны.

– А как они втроём поместятся в такой крошечной комнатёнке?

– Так на втором этаже квартиры в два раза больше. Каждая – как две наши.

– То есть не пятнадцать квадратных метров, а целых тридцать? Вот это хоромы!

– Ну да, – засмеялась Альбина, – настоящие хоромы по местным меркам. – Там кухня-гостиная есть и отдельная спальня.

– А почему Максим у родителей не живёт? Вроде я слышала, у них ещё одно здание есть, причём в центре города.

– А у них с Ириной Петровной взаимовыгодное сотрудничество. Они ей будут по хозяйству помогать, а она – с Масиком сидеть. А вообще, я в их семейные дела не лезу. В каждой избушке свои погремушки. А у этих вообще – целая погремушечная фабрика. А ты чем занимаешься?

Мне показалось или она как-то слишком поспешно перевела тему?

– Я переводчик с немецкого. Но в последнее время работы мало, придётся другое занятие искать. А то выгоните за неуплату, – я криво усмехнулась.

– Понятно, – сказала Альбина, отхлёбывая чай. – А это что?

Она заметила скетчбук и без разрешения начала листать.

– Так, зарисовки на досуге, – ответила я. Я не очень любила обсуждать своё немудрёное творчество.

– А это что? – она ткнула пальцем в злополучную фуражку на картинке.

– Кухню свою зарисовывала, а фуражка эта сама... нарисовалась.

– Такие в фильмах командиры носят. Мужика, что ли, хотелось? Подсознательно.

Она с подозрением уставилась на меня. Я замотала головой.

– А вообще, ты круто рисуешь, – похвалила она. – А большие картины не пробовала?

– Пробовала. Маслом на холсте. Но это такое... Усилий много, а денег не очень.

– Так тебе что, не нравится рисовать? – удивилась она.

– Почему? Очень нравится. Я каждый день что-нибудь рисую, это уже как привычка. Просто когда много усилий вкладываешь, хочется нормальную отдачу. А без этого руки опускаются. Нелегко заниматься творчеством, когда такая конкуренция.

Я криво усмехнулась. Моя больная мозоль!

– Ну ты даёшь. Как можно забрасывать то, что тебе нравится и получается круто? Ты чего, Ась?

Альбина смотрела с неодобрением.

– Ну так, – смутилась я. – Жить-то на что-то надо.

– Жить надо *ради чего-то*, а не *на что-то*. Мы, слава богу, не в четырнадцатом веке.

– А при чём тут четырнадцатый век?

– Там чума была. Ты не знала, что ли?

Я фатально не поспевала за её логическими построениями.

– Ладно, мне пора, – Альбина решительно встала, потянулась и потрясла своей рыжей гривой. – Спасибо за чаёчек. Надо ещё кучу счётчиков перефотографировать и постирать диван.

– Что? Это как?

– Ну, чехол от дивана постирать. Тебе повезло, у тебя дивана нет, а мне мучайся.

– Да я вообще в этом смысле везучая, – пожала я плечами. – Чего у меня только нет! Почти что ничего. Ладно, удачи, заходи ещё!

Альбина ушла, а я решила приготовить обед. Время близилось к трём, а у меня пока маковой росинки во рту не было. Только жареный хлеб и *тырделкас* рафаэлкой. На обед намечались макароны по-флотски. Простое сытное блюдо, навевающее мысли о солёных брызгах и карканье чаек. Готовить приходилось в маленьком ковшике и на микроскопической сковородке. Посуда для лилипутов, как я это называла, хотя честнее было бы сказать: для одиноких людей. Ладно, Ася, хватит ныть.

Фарш уютно шкворчал, окрашиваясь из кровавого в тёмный жареный цвет, а я ругала себя всякими нехорошими словами за то, что забыла купить специй и томатной пасты. Ну какое мясо без специй? Пресная гадость! По крайней ме-

ре, живя с Сашей, я привыкла засыпать любое блюдо слоями всевозможных пряностей и приправ. Дожарив фарш, я достала макароны, разломала на три части, чтобы они поместились в лилипутский ковшик, и собралась уже залить водой, как вдруг... В дверь опять постучали!

Вот это дом, думала я, отпирая дверь. Ни часа без сюрпризов.

На пороге стоял Котик с букетом цветов. Нет, это не Морфей очеловечился, чтобы совершить столь галантный жест. Это был широкоплечий парень Заи – коротко стриженной блондинки, с которой я познакомилась на крыше, но, как со мной часто случается, напрочь забыла их имена. Котик был в узкой майке, и я невольно залюбовалась его мускулами, надутыми так плотно, будто он вот-вот лопнет как шарик. На правом бицепсе виднелась татуировка: глаз, обрамленный какими-то розочками, и непонятная надпись.

– Привет, – сказал он. – А ты случайно как бы не Ася?

– Случайно так вышло, что я именно она, – призналась я.

– Я так и думал! – обрадовался он. – Я тут всех девушек которых знаю, по исключению тебя, и они никто не Аси. Только твоя вот эта соседка, но она вроде бы тоже Альбина.

Говорил он очень путано, меняя падежи и смешивая все подряд речевые конструкции, но я его, как ни странно, понимала.

– Вы очень хорошо подкованы в этом вопросе, – похвалила я. – В вопросе проживающих здесь девушек.

– Тебе там некоторые цветы принесли, – он протянул букет. – Точнее если говоря, принесли мне, но это походу для тебя.

Я взяла букет и внимательно осмотрела. Он состоял из белых роз и каких-то зелёных травинок. Но непонятно, как Котик по виду букета определил, что это для меня?

– А может, это для твоей девушки? – спросила я и сразу осеклась. Было довольно опрометчиво наекать такому атлету на неверность подруги.

– Не, у Оли таких нет, которые цветов шлют. А то я бы этих таких быстро поломал. Не цветы, соответственно, а таких, которые шлют.

Несмотря на его явные проблемы с местоимениями и другими частями речи, внушительный вид качка и глубокий хрипловатый бас делали любую, даже самую косноязычную фразу совершенно ясной и доходчивой. Я кивнула, совершенно не сомневаясь в его словах. Поломал бы, это ясно. И всё-таки с чего он взял, что цветы для меня?

– Там ещё записка была, – ответил Котик на мой немой вопрос и вытащил из заднего кармана джинсов помятую открытку.

Я прочла:

Ася, если тебе так уж нужны извинения, то вот они.

Приходи, нам надо поговорить.

Саша.

PS. Мариную говядину в теряки. Как ты любишь. К ше-

сти будет готово, жду.

– Большое спасибо, – сказала я Котику. – Это и правда мне. Хотя я понятия не имею, как этот человек узнал, где я живу. Адрес я не давала.

– Так вот он потому что квартиру и напутал! – сообразил тот. – Мы с Олей на втором этаже, квартира двенадцать.

– А у меня номер два, – задумалась я. – Одну цифру перепутали. Но это по-прежнему странно.

Но тут я вспомнила Таню, которая своим немыслимым дедуктивным методом вычислила, где я сняла квартиру, и всё встало на свои места.

– Ну добро, разобрались! – подытожил Котик и явно уже хотел откланяться, однако я не растерялась и быстро взяла его в оборот:

– А у тебя случайно... Ну то есть у вас с Ольгой... Нет немного молотого перца или каких-нибудь приправ? А то я недавно заехала, не успела купить. Мне бы щепотку всего, а я потом верну!

– Тю, да у нас этого всякого добра полная кухня, пошли! – и Котик решительно зашагал к лестнице.

Я выскочила за ним, но вовремя вспомнила, что дверь захлопывается, а искать ключ было некогда, так что я выставила ботинок и прикрыла дверь, чтобы она не закрылась до конца. И потрусила вслед за красиво покачивающимися ягодицами качка в тесных штанах, надеясь, что за секунды моего отсутствия никто не заметит этой щели и не сопрёт мои

макароны по-флотски или ещё что-нибудь менее ценное.

Котик провёл меня в кухню-гостиную и выдал целую деревянную коробку, наполненную всевозможными баночками и пакетиками с приправами. Краем глаза я заметила, что кухня очень чистая и обставлена с большим вкусом, но времени рассматривать интерьер не было. Я выбрала хмели-су-нели и чёрный молотый перец. Поклялась, что отсыплю совсем чуть-чуть и сразу верну, но мой милый сосед уверил, что можно не спешить и не беспокоиться. Я вновь рассыпалась в благодарностях и поспешила домой, так и не узнав имени моего благодетеля.

Дома меня ждали белые розы с беззащитными шипами и записка, которую я сразу перечитала. Потом ещё раз. Потом ещё. Всего примерно сто сорок восемь раз.

«Если тебе так уж нужны извинения». «Так уж нужны»... Вот в этом весь Саша. Никогда не признает, что не прав, какую бы дичь ни сотворил! Но готов, так уж и быть, снизойти и извиниться. Если глупой женщине это так уж нужно.

На другой чаше весов – говядина в соусе терияки. У него это всегда безумно вкусно! Знает, сволочь, где моё слабое место. Конечно, я не собираюсь сдаваться, продаваться и отдаваться за еду, но... Окидывая взором свой жалкий недоделанный обед, я не могла не представить запах и вкус запечённого Сашей мяса. Живот малодушно заурчал.

Ну а на третьей чаше этих весов-мутантов – пять прожитых вместе лет, миллионы хороших моментов, надежды, вос-

поминания и, как это ни наивно звучит, любовь. «Приходи, надо поговорить» – это ведь ни к чему не обязывает? Просто разговор. Саша даже пересилил себя и совершил два маленьких подвига: извинился и потратился на цветы. Для него это немало! Но этот наглый тон записки – скорее приказ, нежели просьба о мире... Как же поступить?

Так и не приняв никакого решения, я вернулась к приготовлению обеда. Сварила макароны, вывалила на сковородку с фаршем, аккуратно подровняла, чтобы не вываливались через край лилипутской сковороды, поставила на плитку и щедро посыпала солью и добытыми приправами. Обед получился съедобный, а большего я от него и не ждала.

Проверила сообщения и обнаружила, что пришла подработка от одного из издательств, с которыми я периодически сотрудничаю. Задача – перевести с немецкого современный фантастический рассказ для сборника с рабочим названием «Научная фантастика со всех концов». Имелись в виду, видимо, концы света, но редактор решила сохранить двусмысленную недосказанность. Рассказ был не очень большой, и оплата не поражала воображение, однако лишние несколько тысяч были совсем не лишними, и я без раздумий согласилась.

Сначала я, конечно, грешным делом прогнала текст через программу-переводчик, но потом уселась поудобнее и стала вдумчиво читать, исправляя на ходу ошибки и неточности бездушной машины. Рассказ меня очень увлёк. Он был

про космическую станцию на далёкой планете, которую посетили инопланетные сущности. Они выглядели как комочки пыли, и сотрудники станции тщетно пытались вступить с ними в контакт и понять, чего эти комочки вообще хотят.

Однако вскоре выяснилось, что эти сущности питаются человеческими мыслями, и главный герой по имени Фриц стал замечать, как его коллеги постепенно теряют свои мысли, то есть попросту тупеют. Сам он сохранил ум и здравый смысл только потому, что отказался вступать в контакт с инопланетянами, полагая, что это противоречит регламенту и этим должен заниматься соответствующий специалист. Надо ли говорить, что Фриц был единственным немцем на этой станции и единственным поборником пресловутого немецкого «ордунга» – порядка.

Этих сущностей я перевела как кракотунцы, потому что планета называлась Кракотук – как волшебный орех в сказке Гофмана «Щелкунчик». В этом явно был глубокий символизм, особенно если учесть, что Фрица звали как мальчика из этой сказки, а его подругу как сестру Фрица – Мария. Но проникнуть в этот символизм, как и дочитать рассказ до конца, мне не удалось, так как из подъезда слышались крики, и я узнала голос Ирины Петровны. Я поспешила открыть дверь и выглянула в коридор. По плиточному полу бродила хозяйка доходного дома в домашних тапках и фланелевом халате и громко звала:

– Морфей! Отзовись, паразит!

– Здравствуйте! – сказала я.

– Ой, Анечка, здравствуй. Ты не видела кота? Удрал, поганец, пока я котлеты жарила.

– Я Ася, – поправила я, привычная к постоянным попыткам исковеркать моё имя. – Нет, не видела, а как он удрал?

– Ну я котлеты с луком жарила, – повторила она, как будто между котлетами и побегом кота существовала очевидная, понятная всем, кроме меня, связь.

– А дверь он как открыл? – докапывалась я, обнаружив полную неспособность к улавливанию тонких логических нитей.

– Так я когда лук жарю, всегда дверь открываю.

Ирина Петровна посмотрела на меня, как на неразумного младенца, и я понимала, что с каждым следующим вопросом опускаюсь в её глазах всё ниже, но всё же не удержалась от ещё одного глупого уточнения:

– Зачем?

– Для проветривания!

Я уже не стала спрашивать, почему она не использует с этой целью окна (а если пространственное мышление мне не изменяет, в её квартире было в два раза больше окон, чем у меня, то есть целых два). Из соседней двери высунулась Альбина.

– Альбиночка, Морфейчик убежал! – плаксиво пожаловалась Баба Ира.

Альбина, надо отдать ей должное, не стала тратить и се-

кунды на лишние расспросы, и сразу построила план поимки:

– Так, надо поставить дежурного на входную дверь, обыскать все квартиры и опросить Нурмырзу на случай, если кот уже выбежал на улицу.

Она посмотрела на меня, и я поняла, что от участия в спасательной операции мне не отвертеться.

– Я могу подежурить в кофейне, – робко произнесла я, надеясь отделаться малой кровью.

– Точно, Боря! Надо его послать за Нурмырзой. Ты кофе умеешь делать?

– Ну, более-менее.

– Тогда заменишь его за стойкой. Пошли!

– Как это? Я не могу работать в кофейне!

– Почему не можешь? Сегодня, вообще-то, первое мая – День труда. Все должны работать!

– Спасибо, девочки! Я вас век не забуду! – восторженно произнесла хозяйка, и слова о том, что сегодня, вообще-то, выходной день, хоть он и «труда», застыли произнесёнными.

Ну что ж. Партия сказала «Надо», комсомол ответил «Есть!». Почему бы не поработать за стойкой кафе в день труда? Это было, впрочем, далеко не последнее удивительное событие того долгого первомайского дня.

7. Кто сказал «Мяу»?

01.05.25, пятница.

Прежде чем пойти в кофейню, Альбина быстро обыскала мою квартиру, но ни под кроватью, ни в шкафу, ни даже в душевой кабинке кота не обнаружила. Зато вытащила из-под кровати мой заброшенный коврик для йоги. Коврик был весь в пыли, и я сразу дала себе зарок, что отмою его и буду делать асаны при каждом удобном случае. Вот буквально с понедельника.

– Морфей постоянно убегает, когда Ирина Петровна котлеты жарит с луком, – посетовала Альбина. – Надо ей какой-то новый рецепт подсказать, без лука, чтобы она дверь не открывала.

– А окна она почему не открывает? – уточнила я.

– Окна она не открывает, чтобы не простудиться. В мае ведь простыть – это раз плюнуть, ага. Старость не радость, в общем. Доживём до её лет – и не такое сотворять будем. Я-то уж точно. А кот этот постоянно убегает. Он путешествовать любит. Хотя и кастрированный. – я понимающе кивнула, хотя связи опять не уловила. Но с Альбиной это нормально. Как разные факты увязываются в её голове – ведомо только ей. – В прошлый раз мы его на крыше нашли, голубей гонял. Но сейчас дверь на крышу закрыта. И кота там нет, хотя я ещё не проверяла. А ты вообще ходишь на крышу?

– Нет, – удивилась я. – Ты сама только что сказала, что дверь закрыта.

– Закрыта, но не заперта. Коту только нельзя, а людям до осени разрешается. Можешь ходить, загорать, там сейчас хорошо. Если у меня только выдаётся свободная минутка, я там часами зависаю. Обязательно ходи! Только диваны не царапай.

Я пообещала держать когти подальше от кожаных диванов, и мы отправились в кофейню.

Нам повезло. В кофейне никого не было, только Борис сидел на стуле, прижимая к груди коленку, и читал книгу. Увидев рыжеволосую красавицу Альбину, он расплылся в счастливой улыбке, но девушка не стала церемониться с воздыхателем и сразу ввела его в курс дела:

– Если кот не в доме, то он на улице. Если он на улице, то он во дворе. Если во дворе его нет, то всем хана.

Боря безропотно отправился искать дворника и кота, Альбина пошла обыскивать крышу и оставшиеся квартиры, а я осталась за стойкой, молясь, чтобы никакой случайный посетитель не пришёл.

Никто и не приходил, и я стала листать книжку, оставленную Борей. Она называлась «Психология от А до Я». Судя по чеку на бублики, выполнявшему роль закладки, Боря дошёл только до буквы Г и изучал модный нынче *газлайтинг*. Это когда человеку внушают, что он сошёл с ума. Автор книги старался разбавлять скучный наукообразный текст вставка-

ми из собственных мыслей и эмоций. В частности, про газлайтинг он написал так: «Не верьте, если вас убеждают, что вы сошли с ума. Возможно, вы единственный нормальный человек в этом дремучем бестиарии!»

Мне понравились и идея, и выражение «дремучий бестиарий», что бы оно ни значило. Вспомнились кракотунцы, которые поедали мысли космонавтов. Я подумала, вот как доказать человеку, что его мысли сожраны комочками пыли? Ведь чтобы понять это, нужно думать, а думать бедолаге уже нечем. А с другой стороны: что, если никаких инопланетян нет, только комья пыли, оседающие на скафандр? Как несчастным удостовериться, что это всё правда, а не изысканный газлайтинг от немецкого коллеги-соперника? Очень сложная дилемма.

В кофейню всё-таки завалились посетители с улицы. «С улицы» они были в прямом смысле, так как зашли через стеклянную входную дверь, но и в переносном, получается, тоже. Попросили два капучино, и я даже подошла к кофемашине и внимательно её осмотрела. Но потом решила, что не хочу рисковать и позориться, и честно сообщила: бариста ушёл искать кота, а я просто сторожу кофемашину и бутылки с сиропами. Посетители заявили, что это не проблема, и они сами всё приготовят, надо только найти зёрна. Я решила, что в День Труда гостям не только можно, но и полезно обслужить себя самостоятельно. Посетители приготовили кофе, оставили денег и ушли. А я даже заработала за эту опе-

рацию тридцать рублей чаевых.

Пришла Клариса.

– Добрый день! – обрадовалась я знакомому лицу.

– О, тургеневская девушка, привет! А где Боря?

Я объяснила ей ситуацию.

– Ох уж эти коты! – покачала она головой. – С детьми и то меньше мороки, чем с ними. Особенно когда дети вырастают и устраиваются на работу. Кот, к слову, никогда не устроится на работу, даже не надейся. Ему это и в голову не придёт.

– Он бы, может, и рад, но котов на работу не берут, – улыбнулась я. – Разве что в амбар, мышей ловить.

– Вот, кстати, насчёт «Амбара». Ты была когда-нибудь в этом баре?

– Бар «Амбар»? Никогда не слышала про такой.

– Сходи, это лучший бар в Москве. Он в Трёхглавом переулке. У нас со Стасом там ещё один дом, мы в нём, собственно, сами живём. Так вот, в этом баре живёт очень умный кот. Зовут его, что характерно, БАРсик. И ему уже почти сто восемьдесят лет.

– Разве коты сколько живут? – удивилась я и подумала, что, наверное, ослышалась и она сказала «восемь».

– Столько даже люди не живут, но этот кот особенный. Единственный в своём роде. Он даже несколько языков знает. Но работать не хочет, как ни проси. А ведь ему предлагали неплохие вакансии.

Я вежливо улыбнулась. Дамочка явно эксцентричная и

любит рассказывать байки. А, впрочем, имея целых два дома в Москве, можно себе позволить болтать любую ерунду. Я бы, может, еще и не такое творила, если б имела столько денег.

Вошли Альбина с Борей.

– О, Лариса Сергеевна, здравствуйте! – сказала Альбина, и Клариса заметно поморщилась от такого обращения. – А у нас в Вязаном доме переполох, Морфей сбежал. В ближайших окрестностях мы его не нашли, и дворник говорит, что не видел. Мы пока дверь входную заперли, пусть через кофейню люди ходят. Вдруг он ещё в доме.

– Хотите кофе? – спросил Боря Кларису.

– Да, Боренька, моккачино на миндальном.

– И корицы побольше?

– Разумеется.

– А ты во всех квартирах проверила? – спросила я Альбину. – Он никуда не убежал?

– Ага, проверишь, – вздохнула та. – Из двенадцати квартир дверь открыли только в четырёх. Остальные где-то шатаются.

– Праздничный день, – напомнил Боря.

– День труда, – напомнила я.

– Ну да, некоторые вообще уехали на все праздники, – посоветовала Альбина. – Но я лично сомневаюсь, что кот в чью-то квартиру убежал. Его здесь все знают, давно бы принесли Ирине Петровне.

– Конечно! За этого кота можно большой выкуп получить!
– хохотнул Боря.

– Это точно, – кивнула Клариса. – Полцарства и коня в придачу. Ирина Петровна за своего любимца ничего не пожалеет.

Она взяла приготовленный Борей кофе и, элегантно оттопырив мизинчик, стала пить, облокотившись спиной на стойку и задумчиво глядя в окошко. Её светлые крашенные пряди небрежно рассыпались по тонким изящным плечам. Облегающая блузка с низким вырезом наполовину открывала эти плечи. Красивая женщина. Даже девушка. Хотя и бабушка.

– Лариса Сергеевна, а вы к нам какими судьбами? – спросила Альбина, которая, кажется, считала своим долгом знать абсолютно всё, что происходит в Вязаном Доме.

– Просто Клариса. Не люблю, когда меня по имени-отчеству зовут, – поправила домовладелица.

– Хорошо, Лариса Сергеевна, больше не буду, – с лёгкой издёвкой ответила рыжая риэлторша.

– Вот, документы Ирине Петровне принесла. – Клариса достала из сумки пухлую папку и положила на стойку. – Юристы наконец-то согласовали нам перепланировку. Такая долгая тягомотина была, но мы всё-таки победили этот дом! Хотя сопротивлялся он отчаянно. Передайте ей, пожалуйста, Альбиночка.

– Так Ирина Петровна сейчас дома, вы сами сможете от-

дать! Хотите, я вас провожу?

– Нет, спасибо, – мне показалось, что Кларису слегка передёрнуло. – Я стараюсь лишний раз в этот дом не углубляться. Без крайней необходимости. Слишком тяжело он нам дался.

Она постучала пальцами по папке и как-то рассеянно облизала губы.

– А что с ним не так? – с любопытством спросила я, но Альбине мой вопрос не понравился.

– Всё с ним прекрасно! – отрезала она. – Ремонт – это всегда геморрой. Даже квартиру отремонтировать – с ума сойдёшь, а здесь целый дом!

– Один прораб пропал бесследно, другой в дурку попал, – задумчиво продолжала Клариса. – Я вообще удивляюсь, как мы с этим домом справились. Предлагала Стасу его спалить ко всем чертям, но нельзя, это же памятник архитектуры! Два года мучений.

– Ой, да зачем вы верите всему, что вам прорабы плетут! – нервно возразила Альбина. – Эти товарищи чего угодно придумают, лишь бы предоплату забрать и сбежать. В дурку он попал, как же! Надо просто договор заключать и платить только по факту сделанной работы, тогда все прорабы будут живые, здоровые и психические уравновешенные.

Я не могла не восхититься её здравомыслием и практической смёткой. Клариса, правда, тоже не выглядела наивной дурочкой, которую любой прораб может обдурить. Но спо-

ритель с Альбиной она не стала. Допила свой кофе, послала Боре воздушный поцелуй (тот на автомате ответил, однако тут же покраснел, заметив недовольный взгляд Альбины) и напомнила про важность пухлой папки.

– Я прямо сейчас отнесу, – сказала Альбина и ушла. Боря побежал за ней, опять бросив кофейню на меня. Оставшись наедине с Кларисой, я решилась задать мучивший меня вопрос:

– Вы знаете... Мне этот дом очень нравится, но некоторые вещи тоже пугают. Парень, который жил в моей комнате, Виктор. Может, всё-таки расскажете, почему он повесился? Все делают вид, что не знают.

– Да я с ним тоже не была знакома, – пожалала Клариса полуголыми плечами. – Вроде айтишник какой-то был, пухлый такой. Он нам за последний месяц не заплатил. Забаррикадировался в своей комнате и Ирину Петровну не пускал. Стас поехал с ним поговорить, открыл своим ключом. Но парень уже был совсем не в себе. Говорил о себе в женском роде, всё твердил про какую-то получку, которую «она» не получила. И что живёт в другом месте вообще.

– В каком месте? Он не сказал?

– Не помню. То ли улица Пугачёва, то ли Разина, какого-то бунтовщика, в общем.

– А где эти улицы находятся? Далеко отсюда?

– Таких улиц вообще в Москве нет. Парень сошёл с ума. Мы хотели его знакомому психиатру показать, но не успели.

Надо было, конечно, сразу в дурку звонить.

– Ужасная история, – сказала я. – Может, он думал, что в другом городе находится? Где есть эта улица.

– Понятия не имею. Кажется, Варварка в Москве раньше называлась улицей Разина. А какой город Витя имел в виду, мы уже не узнаем. И вообще, странно, что тебя так тревожит смерть одного-единственного человека. А то, что в этом доме почти тридцать человек погибли, причём в один день, тебя не смущает?

– Это как это?! – ужаснулась я. – Какие ещё тридцать человек?

– Обычные. – Клариса опрокинула в себя последние капельки кофе. – С руками, ногами и головой. Ладно, мне пора. Дела, дела, дела.

И она ушла. А я осталась в полном недоумении. Вязаный дом-свитер открывался всё с новых и новых сторон. И эти стороны мне нравились всё меньше.

Вернулся Боря. Он выглядел довольным. Я не знаю точно, какие у них с Альбиной отношения, но он к ней явно неровно дышит, а вот она к нему – непонятно. На крыше они обнимались и любезничали, при этом Альбина давала понять, что свободна и не прочь обзавестись бой-френдом. И всё же симпатия Бори к рыжеволосой деятельной девушке с веснушками была очевидна, да и её мимолётная ревность к Кларисе от меня не укрылась. В общем, Боря вернулся весёлый, и я решила, что их дело на мази. Он даже сделал мне

кофе за счёт заведения – в благодарность за присмотр. Однако пить его в кофейне я не стала – убежала домой, чтобы закончить перевод увлекательного рассказа про тайны ореховой планеты.

Дома я первым делом наткнулась на Сашин букет, бесприютно лежавший на столе. Никакой вазы у меня, разумеется, не было. Пришлось освободить ковшик от макарон, отмыть, наполнить водой и кое-как разместить внутри цветы. Белые розы завалились набок, едва не переваливаясь через край. Ёмкость была им явно мала. Я вдохнула их еле слышный аромат. «Говядина в соусе терияки», вспомнила я. «Приходи, надо поговорить». Пойти или нет? Раньше я бы посоветовалась с Таней, а теперь...

С одной стороны, мне было ужасно интересно, что Саша хочет мне сказать. Надежда, что он всё осознал и исправился, ещё теплилась во мне. С другой – не хотелось повторения последней встречи. Я вдруг подумала, что Клариса точно бы сказала, как правильно поступить. Она мудрая женщина и явно понимает, как устроен этот мир. Но она ушла, да и спрашивать совета в личных делах у постороннего человека было бы странно.

И тут я представила, как она сидит передо мной, в своих модных брючках и блузке с открытыми плечами. Я протягиваю ей мятую открытку с Сашиной запиской, она читает, поднимает на меня пронизательные серые глаза с идеально симметричными бровями и произносит:

– Этот мужчина ещё не созрел. Он хочет вернуть всё как было, а тебе нужны изменения. А для изменений нужно больше времени.

– А записка? – глупо спрашиваю я.

– Уважающая себя женщина ни минуты не думает над такой запиской. Она её выкидывает в урну.

– А цветы? – ещё глупее спрашиваю я.

– Цветы пусть стоят, – милостиво разрешает воображаемая Клариса.

Я тут же следую её совету и отправляю записку в ведро. Мне сразу становится спокойно и хорошо, как будто я напиваюсь силой и уверенностью. Нет, не в себе. Уверенностью в том, что поступаю правильно, и мир снова возвращается в равновесие. Я вновь вдыхаю аромат цветов. Они очень хороши. Почти так же хороши, как я сейчас.

Тут я вспомнила про специи, которые надо бы вернуть Котику. Хотя он и уверял, что в этом нет необходимости, мне всё же кажется, что лучше вернуть. Это будет более... добрососедски. Но подходя к двери с номером «двенадцать», я слышу громкие крики и понимаю, что в мимимишном царстве не всё гладко.

С опаской стучу, и дверь резко распахивается настежь. За порогом стоит Зая, её коротко стриженные волосы как-то неуловимо растрёпаны. Точнее, Оля, поправляю я себя. Теперь я знаю, как её зовут. Кратко объясняю ситуацию и протягиваю два пакетика с приправами. Оля молча берёт их

у меня, сухо кивает и захлопывает дверь. Господи, а не подставила ли я сейчас Котика, сообщив его разъярённой пассивности, что заходила к нему в её отсутствие? От этой мысли мне не по себе. Криков уже не слышно, но напряжение ещё витает в воздухе. Ладно, будет мне урок на будущее. Меньше умиляться красивым картинкам чужой идеальной любви. И не палить несвободных мужчин, которые приносят цветы и одалживают свой... перчик.

Покраснев от дурацкого каламбура, я вернулась домой и закончила, наконец, перевод фантастического рассказа. Но финал мне совсем не понравился. Фриц так и не смог помочь своим коллегам по космической станции и любимой девушке Марии, которые глупели на глазах, лишаясь последних мыслей. Общаться с возлюбленной он больше не мог, они уже не понимали друг друга. И тогда он принял нелёгкое решение: вступить в контакт с инопланетянам, чтобы они пожрали и его мысли тоже. И таким образом опустился до уровня коллег и любимой. Наверное, автор закладывал глубокие философские идеи, но я такие идеи в гробу видала. Не хочу тупеть и деградировать, даже ради взаимопонимания с другими людьми. Я и так слишком много не знаю об этом мире. Лучше уж буду наоборот – пытаться поумнеть, насколько только хватит моих скромных возможностей.

С этими мыслями я взяла читалку с тремя закачанными романами Стейнбека и залезла на кровать, чтобы провести остаток вечера в попытках поумнеть посредством классиче-

ской литературы. Но тут раздался Звук. Звук доносился из санузла, и сначала я подумала, что это опять мои трубы «говорят» со мной. Я уже привыкла к их то ли свисту, то ли стонам, и не пытаюсь разобрать и вычленить отдельные слоги, которые мне слышались поначалу. Даже не просыпаюсь уже. Но трубы обычно стонут по ночам, а этот звук был дневной, и вскоре я расслышала, какой именно. Это было:

– Мяу!

8. Ежедневник самоубийцы

01.05.2026 пятница

Я кинулась в ванную, но кота там не было. В такой крошечной комнатухе ему просто негде было спрятаться. Но тут меня осенило. Люк! Он был открыт. Открыт ещё с утра, когда Альбина приходила фотографировать счётчики. Я заглянула в тёмное пространство за люком и увидела светящиеся жёлто-зелёные глаза Морфея. Тут-то пазл сложился окончательно. Я вспомнила, как бегала к качку со второго этажа за специями, а дверь оставила приоткрытой, только ботинок засунула. Примерно в это время Морфей и сбежал от Ирины Петровны. Вот хитрая морда! Весь дом на ушах, ищет его, а он...

Я перегнулась через люк и протянула руки к коту, но пространство за стенкой было слишком большим, и я не могла его достать. Прикинула, нельзя ли мне залезть туда целиком, но поняла, что не смогу. Трубы мешают. Стала звать Морфея на все лады, даже цокала и чмокала, будто он белка, но всё без толку. Тогда я решила использовать приманку – еду! Остатки макарон с мясным фаршем, конечно, не выглядели как мечта хищника, но всё же были достаточно съедобны.

Принесла сковородку с едой, снова перегнулась через люк и протянула её коту. Кот недоверчиво муркнул и подошёл поближе. Я чуть отстранилась – он приблизился. В темноте

я сначала видела только его оранжевые глаза, но вскоре заметила, что он что-то держит во зубах.

«Мышь!», до ужаса перепугалась я. Только этого не хватало. Надеюсь, она хотя бы дохлая. Но нет, это была не мышь. Что-то плоское и длинное. Кот подошёл достаточно близко, я резко прижала его ладонью к сковородке и рванула на себя. Морфей отчаянно заорал, зашипел и впился когтями в мою руку. Я заорала с ним в унисон.

И всё же через пару секунд кот, усыпанный макаронами и фаршем, был скинут на кафельный пол ванной. Я с облегчением захлопнула коварный люк. Морфей ещё пару раз возмущённо мяукнул и принялся вылизывать себя, заодно поедая злополучную приманку, застрявшую в шерсти и рассыпавшуюся вокруг. В зубах у него уже ничего не было. Я внимательно огляделась по сторонам, а потом кинула взгляд на сковородку, которую всё ещё сжимала в руках. На её масляном дне, среди ошмётков еды лежала зелёная тетрадка.

Я отнесла сковороду на кухню, протёрла маслянистую обложку губкой, открыла тетрадь наугад и пробежалась глазами по кривым строчками с острыми, прижатыми друг к другу буквами:

9 февраля:

11:00 – конференс-колл

Доделать отчёт, связаться с тестерами

20:00 тренировка (спина)

Купить подарок папе!

Расходы: 4500

Вес: 300 г

10 февраля:

9:30 стоматолог (Махмуд)

Купить доллары?

Позвонить насчёт карты

Маша!

Расходы: 2100

Вес: + 500 г

Это был обычный ежедневник с короткими, деловитыми записями. Но зачем автор забросил тетрадь за люк? Или случайно уронил? Это вряд ли.

Я с любопытством листала страницы, ведь ежедневник, скорее всего, принадлежал моему предшественнику, Виктору, который повесился на крюке от люстры. Записи эту версию вроде подтверждали. Из них следовало, что автор – мужчина, работает где-то в айти сфере (но, скорее всего, удалённо) и живёт вполне обычную жизнь. Ходит на тренировки, беспокоится о своём весе, следит за здоровьем и за денежными тратами и периодически упоминает какую-то Машу. Интересно, какую? Точнее сказать: какую из двух?

Я стала листать дальше. Примерно с конца февраля тон записей изменился. Всё меньше планов и дел, всё больше каких-то абстрактных рисунков и мрачных пассажей вроде:

Жизнь дерьмо

Зачем?

Ничего не выйдет

Я чмо

Ну что ж, логично. Депрессия началась у человека. Потому и повесился. Бывает. Грустно, конечно, что никто не смог помочь. Вроде соседи такие дружные, а боль человека не заметили. Вот так живёшь среди людей, а по факту ты всегда один. И даже, может быть, лучше быть одному, когда вокруг никого нет. И намного хуже, когда вокруг толпа людей, а ты всё-таки один.

С такими печальными мыслями я листала зелёную тетрадку и вдруг остановилась. Что-то было не то. Я вгляделась в исписанную страницу. Почерк изменился. Из острого и убогистого стал круглым и размашистым. Я вчиталась в мало-разборчивые слова:

Где я?

Почему я не могу выйти?

Где МОЗ?

Кто я?

Последняя запись была датирована вторым апреля. За неделю до моего вселения в этот дом. Виктор был ещё жив. А потом перестал быть жив. Но что значат эти вопросы? Особенно последний. Уж не сошёл ли бедняга с ума? Альбина рассказывала, что он подолгу стоял на пороге дома и смотрел на улицу, но никогда не выходил. «*Почему я не могу выйти?*» Действительно, почему?

Из ванны показался Морфей, подошёл и неуклюже вскарабкался мне на колени, слегка оцарапав мою ногу. Я ойкнула и сразу вспомнила, что эту вредную тушу ищет весь дом. Ирина Петровна уже извелась, наверное! Ну ничего, сейчас я её обрадую. Кот замурчал и выгнул спину, требуя ласки и поглаживаний. Я против воли зависла на несколько минут, наглаживая его тёплое и мягкое тельце. Но потом всё же заставила себя очнуться, отложила тетрадь, закинула животное на плечо и вышла из квартиры. Я помнила, что Ирина Петровна живёт прямо надо мной, так что найти её не составило труда.

– Морфеюшка! Мальчик мой маленький! Асенька! Нашла паразита! – запричитала Ирина Петровна, заведя меня и пушистого любимца, который сразу же спрыгнул с моего плеча и деловито потопал на кухню, к своим мискам с едой.

– В ванную ко мне забежал, – объяснила я. – За люком спрятался.

– Ай, паразит! – покачала головой домохозяйка. – Поймали тебя, да, шаромыжника? Убежать хотел от бабушки? Разве плохо тебе у бабушки живётся, а, бандит?

Я вновь отметила про себя, что на звание «бабушки» Ирина Петровна не тянет, слишком моложава и подтянута, хотя по факту она уже прабабушка. Эх, мне бы так! Хотя мне ещё пока тридцать один год, и выгляжу я достаточно молодо, но чтобы стать такой моложавой прабабушкой, надо для начала родить хотя бы одного ребёнка, а затем чтобы этот ребёнок

родил другого ребёнка, а другой – третьего... А у меня затык уже на первом этапе.

– Асюшка, пошли чай пить? – позвала Ирина Петровна. – У меня тортик есть, Стасик с Ларкой с Зальцбурга привезли. Правда, называется как-то похабно, то ли «нахер», то ли «похер», но вкусный, собака!

– «Захер», – догадалась я. – Это австрийский шоколадный торт, очень известный. А назвали в честь кондитера.

– Бедный кондитер! Это ж надо, такое имечко родные родители дали. Ну, садись. Тебе лимончику в чай положить?

Пока она суежилась, я разглядывала комнату. Это была сравнительно просторная кухня-гостиная (больше, чем вся моя квартирка) с двумя дверьми, ведущими в разные стороны. Судя по планировке, эта кухня-гостиная располагалась над моей квартирой, одна из дверей вела в помещение, расположенное над квартирой Альбины, а другая – в комнату, находящуюся над кофейней. Ну надо же, целых три комнаты! Роскошь. Обстановка была довольно простая: белые крашенные стены, как у меня, на полу – потёртый ковёр с каким-то традиционным орнаментом.

– Это старинный персидский ковёр, – пояснила Ирина Петровна, поймав мой взгляд. – Мне его свекровь подарила, лет этак тридцать назад. Его ещё прабабка её ткала. У меня ведь муж оттуда был. Перс. Ну, иранец по-нонешнему.

– Ничего себе! – удивилась я. – Так Стас, получается, наполовину иранец?

– Полуперс, полумосквич. Ядрёная смесь!

– А я сразу заметила, что у него лицо необычное. Нездешнее как будто, – сказала я, хотя ничего такого вообще-то не заметила. Обычный «ботаник» – худой, кучерявый, черно-волосый, в очках. Но теперь мне уже казалось, что нет, не обычный. Что-то есть!

– В папу красивый, в маму умный, – засмеялась Ирина Петровна. – Ты тортика-то ещё бери, вкусный торт. А то вона как исхудала. Я Стасу ведь говорила, делай в квартирах кухню больше! Где людям готовить? Нет же, всё место своими лежедрами занял!

– Чем?

– Ну, кроватями. А кухни нет нормальной. Ты, может, кушать хочешь? У меня котлетки с гречкой есть.

Те самые котлетки, из-за которых сбежал кот, подумала я.

– Нет, спасибо. Я наелась. А квартира меня, кстати, вполне устраивает: и кухня, и лежедром. Я уже привыкла. А больше всего дом нравится. Маленький такой, уютный. И очень нарядный.

– Да, дом замечательный. С душой. Не как эти новоделы по сто этажей. С историей дом.

– Кстати, насчёт истории... – я замаялась. Можно ли говорить Ирине Петровне про визит Кларисы, которая не захотела к ней зайти? Хотя вряд ли Альбина утаила от хозяйки этот факт, когда передавала документы. Но кто знает? Всё-таки это очень странно – приехать в дом свекрови, но лич-

но не встречаться. Я решила выразиться обтекаемо. – Мне Клариса говорила, что в этом доме что-то случилось... Будто бы погибло много людей разом.

– Да, это жуткая история. Во время войны дело было, в сорок первом году. Кажется, в октябре. Здесь было заводоуправление, а сам завод вон там, где сейчас бизнес-центр, но его снесли давно. Завод военный, производил боеприпасы: патроны, снаряды, мины.

– Почему его не эвакуировали?

– Не успели. Эвакуация до конца года шла. Потом-то всё вывезли, конечно, и назад уже не вернули. Дурная слава была и у завода, и у этого места.

– Так что же случилось?

– Я сама документов не видела, со слов Стаса рассказываю. Пришёл вроде как на завод сотрудник НКВД: форма, удостоверение, всё, как полагается. Его проводили к директору. А сотрудник оказался немецким шпионом и бомбу взорвал.

– Как это? – ужаснулась я.

– А вот так. Не досмотрели его, не проверили. А бомба оказалась необычной, какой-то секретной разработкой нацистов. В итоге стены наружные уцелели, даже окна не выбило, только перекрытия деревянные продырявило. А вот люди погибли – всё, до единого. Двадцать семь сотрудников управления, все руководство и секретари.

– А как же он сам уцелел?

– Кто? Шпион? Никак не уцелел, погиб с остальными.

– Так он был камикадзе! – поразилась я. – Террорист-смертник. Я думала, такие только в Японии были.

– Ну да, безумный фанатик. Столько людей убил, а для чего – непонятно. Завод-то сохранился и продолжил работу в эвакуации. Даже документы частично уцелели. Только люди погибли, но у нас, как говорил товарищ Сталин, незаметных нет.

Мне стало не по себе. Мало того что в этих стенах было массовое убийство, что само по себе жутко, так ещё и совершенно бессмысленное и необъяснимое.

– А отчего они погибли, если даже стены не обвалились?

– Не знаю, – пожалала плечами Ирина Петровна, тщательно облизывая ложку с остатками торта. – Просто погибли и всё. Наверное, в этой бомбе газ какой-то был, немцы любили газом убивать. Это надо у Стаса спросить, он даже историка нанимал, чтобы найти эти архивы и разобраться.

– А почему он начал в этом копать?

– Да Лариска заставила. Что-то не так было с этой стройкой, очень туго всё шло. Да и тот факт, что здание с сорок первого года пустое стояло, никто им не занимался – это же странно. В Москве земля золотая, каждый клочок застраивают, а здесь – ничего.

– Да уж, это и правда очень странно, – призадумалась я. – А вы сами не боитесь тут жить?

– А я не суеверная, – засмеялась она. – Меня воспитывали

в парадигме материализма.

Я вспомнила, как Клариса отказывалась даже зайти в дом, и явно боялась, что с ней что-то случится. Интересно, в какой парадигме её воспитывали? Не очень-то она похожа на глупую суеверную женщину, а вот поди ж ты...

– Да и потом, – добавила хозяйка. – Раз коту здесь нормально, то и людям бояться нечего. Коты обычно очень чувствительные, в плохих местах жить не будут.

– Ну ещё бы он не хотел тут жить! – воскликнула я. – Все его обожают, чуть не в попу целуют, вон сколько еды разной в мисках. Уж Морфею точно не пристало на жизнь жаловаться.

Морфей, будто услышав мои слова, оторвался от почти опустевших мисок, и задрав хвост, протопал мимо меня в ванную.

– Поел, теперь в лоток пошёл, поганец? Ну иди, иди, – добродушно сказала Ирина Петровна.

– Ладно, спасибо вам за чай, – я поднялась.

– Погоди-погоди, – замахала ладонью домохозяйка. – У меня же к тебе дело есть!

– Какое дело, Ирина Петровна? – изумилась я, снова садясь за стол.

– Мне Альбиночка сказала, что ты рисуешь хорошо.

– Ну не то, чтобы... – заскромничала я от неожиданности.

– Так рисуешь или нет?

– А что нужно?

– Нарисуй наш портрет.

– Чей «ваш»?

– Всеобщий! Мне не нравится эта стена, – Ирина Петровна показала на выбеленную стену, к которой был придвинут диван. – Она слишком пустая.

По правде говоря, это была единственная свободная часть стены в помещении. Все остальные стены были заняты: дверями, шкафами, окном, телевизором и кухонной зоной, где мы и сидели, любуясь остатками зальцбургского торта "Захер", но не в силах более съесть ни крошки.

– Нормальная стена, – возразила я. – Даже краска целая, котик нигде не подрал.

– Я ему подеру! У меня кот благовоспитанный. Как и сын. И стены никто из них никогда не драл. Хотя я с тобой согласна – картину лучше вешать, когда есть дырка в стене, пятно или ещё какой недостаток. Но мне с этим не повезло. Точнее, повезло. Я просто хочу семейный портрет. Четыре поколения семьи на одном холсте: я, Стас с Лариской, Масик с женой и Масик.

– А кот?

– Обязательно! Кот – это, наверное, уже пятое поколение, итого пять поколений на одном холсте. Справишься?

Я заволновалась. Портреты я рисовала всего несколько раз в жизни, делала даже два портрета на заказ – дальним знакомым. Вроде всем понравилось. Но такого массового портрета я ещё не рисовала. С другой стороны – сейчас есть

разные технологии, облегчающий труд художника. Можно сделать фото, скорректировать с помощью нейросетей фон, детали одежды, позы, если нужно, потом увеличить во много раз и срисовывать с получившейся картинке. По большому счёту, нейросети могут и сам портрет «нарисовать» – маслом, акварелью, да чем угодно. Но Ирина Петровна явно хотела ручную работу, и такая задача не казалась мне непосильной.

– Думаю, да, но надо обсудить детали, – дипломатично ответила я.

И тут Ирина Петровна назвала сумму. И сумма была, мягко говоря, больше, чем я бы сама отважилась запросить. И я сразу вспомнила, что через восемь дней надо оплачивать аренду, и деньги мне нужны не просто очень, а прямо-таки позарез.

– Хорошо, – сказала я. – Нарисую.

– Ну вот и славно! – обрадовалась Ирина Петровна, откинула крышку какого-то расписного ларя, покопалась там и вытащила толстую пачку купюр. Потом отделила от неё пачку поменьше, взвесила в руке и протянула мне. – Это тебе половина, для задатка. Посчитай, ровно?

Я в полном изумлении пересчитала деньги. Это была точно половина от озвученной суммы.

– Ровно, – кивнула я.

– Глаз-то намётан! – довольным тоном произнесла удивительная старушка.

Я вышла от неё в полной прострации. Этот дом и правда какой-то волшебный. Ещё утром я была в полном отчаянии и не знала, чем платить за квартиру, варила макароны и экономила на всём, а теперь у меня целая пачка денег. Ну и ну!

9. Сумбурная фотосессия

09.05.26 суббота.

Будильник прозвенел чудовищно рано: в девять утра. Я сползла с кровати и поплелась на «кухню», к любимой турке и баночке с кофе. Идти мне от кровати до турки всего пару метров, но я умудрилась споткнуться по пути и чуть не растянуться на полу. Мольберт! Теперь моя тесная студия стала ещё теснее, так как всё свободное пространство занял огромный мольберт. Кухонный стол завален баночками с краской, тут же валяется пластмассовая палитра, а из любимой кружки торчат кисти.

Я рисую семейный портрет! К счастью (но иногда мне кажется, что *к сожалению*) для современного портрета не надо заставлять моделей собираться вместе и часами позировать в неудобных позах. Я рисую с фотографии. Но для фотографии семья Фархиди (а именно такая у них всех, оказывается, фамилия) всё-таки собралась. Хотя я было предложила Ирине Петровне сделать коллаж из отдельных фото, но она с негодованием отвергла эти «современные штучки».

Семья собралась на крыше. Стоял тёплый, уже почти летний вечер. От мангала в уголке доносился ароматный дымок. Над ним колдовали знакомые мне девушки: Мария («не путать с Машулей!») и Оля (она же Зая). Морфей важно разгуливал в жёлтых вязаных носочках, но уже без шапочки и

кофты. Клариса была совершенно ослепительной: блестящее изумрудное платье с голыми плечами и впечатляющим декольте, объёмные жемчужные серьги, туфли на высоком каблуке. Ирина Петровна тоже принарядилась: синее бархатное платье хоть и казалось старомодным, но к ней шло и даже как-то освежало.

Выбивалась из этого ряда только молодая жена Максика, которую я увидела в первый раз. Она была в обычных джинсах, серой водолазке, с русыми волосами, небрежно забранными в кривоватый хвостик, без всякой косметики и украшений. И ходила всё больше отдельно от всех, покачивая ребёнка. Похоже, это семейное мероприятие её мало интересовало. Что касается мужчин, то и Максик, и Стас сделали над собой необходимое усилие и явились в подобающем случае виде: в чёрных, в меру элегантных мужских костюмах.

На столике быстро появилось шампанское. Стас нарочно потряс бутылку и открыл так, чтобы пробка под радостные вопли зрителей улетела в небеса.

– Ну, за семейную встречу, – произнёс он, когда бокалы были разлиты и розданы всем, включая меня и девушек у мангала. Отказались только жена Максима и кот, которому Стас с самым серьёзным видом протянул бокал, но тот, понюхав напиток, задрал хвостик и отправился к кастрюльке с маринованной рыбой, что притаилась под мангалом.

– За встречу! – сказала Клариса. – Спасибо Ирине Петровне, что собрала нас опять всех вместе, да ещё и приду-

мала такой прекрасный повод. Семейный портрет! Как это звучит. Чувствую себя прямо высшей аристократией.

– А вы и есть аристократия, – заявила Мария, тряхнув блестящими чёрными локонами – Родовое имение есть. – Она обвела рукой крышу. – Древний род есть. А что? Четыре поколения – это по нашим меркам уже очень древний род!

– Эмиры Москвабада, – тихо проговорила Ольга, явно намекая на восточную фамилию семьи. Но услышали её только я и Мария, которая сразу сделала «страшные глаза», чтобы утихомирить язвительную подругу.

Все стали чокаться и пить шампанское. Я стояла с бокалом и ждала, когда празднование встречи закончится и мы перейдём к главной цели вечера – фотосессии. Плечи оттягивал рюкзак с фотоаппаратом, но закатный свет ещё не был идеальным, так что можно было немного и подождать.

– Денис-то придёт? – тихо спросила Мария Ольгу.

– Не имею понятия, – мрачно ответила та. – Три раза ему написала. Он у нас не в настроении последнее время.

– А что случилось?

– А я знаю?

На самом деле, она сказала более грубое слово, и я не удержалась и подняла на неё глаза. Подруги сразу заметили, что я их слышу, и отошли к своему мангалу. Ко мне тут же подошла Клариса.

– Ты же сможешь потом одежду поменять?

– Могу, – ответила я.

Я поняла, что она говорит про жену Максима, которая с отстранённым видом ходила по кромке крыши с младенцем. Её одежда явно не соответствовала общей торжественной атмосфере. Но захочет ли она, чтобы я её «нарядила»? С другой стороны, мой заказчик – Ирина Петровна, так что как она скажет, так я и сделаю.

– Хорошо, – сказала Клариса. – Какое-нибудь платье вечернее надо, а то молодой маме некогда наряжаться.

Сказано это было спокойно, но мне показалось, что в голосе было напряжение.

– Дети в этом возрасте самые сложные, – сказала я, вспомнив, что слышала от двухдетной подруги: «Самый сложный возраст – с года до двух».

– Это точно, – вздохнула Клариса. – Особенно когда ещё и послеродовая депрессия затягивается.

– Сейчас у многих депрессия, время какое-то... унылое, – поддакнула я, вспомнив дневник Виктора. Ну вот как такое возможно? Был нормальный парень, работал, на тренировки ходил, а потом раз и... Уму непостижимо.

– Люди требуют, чтоб им выдали смысл жизни, – задумчиво произнесла она. – Хотя матушка-природа нам никакого смысла, кроме размножения и выживания, не припасла. А если ты не желаешь ни размножаться, ни выживать, то что же мир тебе ещё предложит? Да ничего. Ты сама-то как?

– Нормально, – вздрогнула я от неожиданного перехода с глобальных законов мироздания к моей скромной персоне.

– По бывшему не страдаешь?

Я не поняла, откуда она знает про бывшего. Я никому тут не говорила. Если только Котик растрепал про букет и записку. Или это пресловутая женская интуиция и богатый жизненный опыт?

– Не особенно, – ответила я, поскольку ответ «нет» был бы не вполне честным, а вот «не особенно» – формулировка обтекаемо универсальная. Не придерёшься.

– Если будет плохо, сразу выходи на улицу, – пристально глядя в глаза, сказала она. – Дома не сиди, запомнила? Выходи и иди куда подальше своими ногами. Иди, иди, иди – пока не полегчает.

– Я знаю, – сказала я. – Прогулки на свежем воздухе очень полезны. Мне всегда помогают, когда настроение плохое, я вообще люблю гулять.

– Главное, дома не оставайся, – повторила она.

И тут мне стало не по себе. Я вспомнила, как она боялась зайти в наш дом даже на несколько минут, и вот опять твердит, что оставаться в доме опасно. Что она такое знает? И почему не рассказывает всё как есть? Почему позволяет Ирине Петровне жить в этом опасном, по её мнению, доме? Или это просто дурацкие суеверия из-за трагедии, которая произошла почти сто лет назад? Призраки прошлого, не дающие ей покоя. Двадцать семь жертв загадочной секретной бомбы. Двадцать семь и немецкий шпион, всего двадцать восемь «призраков». Тут в голове пронеслось смутное воспомина-

ние. Двадцать восемь жертв – где я про это уже слышала?

Но углубиться в воспоминания мне не удалось, так как от мыслей меня отвлёк бородастый качок, появившийся на крыше. Это был Котик и по совместительству, видимо, Денис, которого ждали девушки. Хотя они уже, похоже, его не ждали и спокойно жарили на мангале свою рыбу. Денис подошёл к ним, обменялся парой фраз и сразу плюхнулся на лежак. Я не видела со своего места, лежит ли он с закрытыми глазами или пялится в одну точку, но слова Ольги о том, что её бойфренд «не в настроении» явно находили подтверждение. И да, кажется, она больше не Зая, а он уж точно не Котик. Теперь они Ольга и Денис, которые смотрят в разные стороны и не касаются друг друга. Как же быстро всё поменялось! Прошёл всего месяц с той вечеринки-барбекю, когда они держались за руки, а я даже чуть не начала им завидовать.

К Кларисе подошёл Максим и спросил:

– Мам, а мы когда закончим? А то уже скоро надо малыша кормить.

– Всё, всё начинаем! – захлопала в ладоши юная бабушка.
– Асенька, давай, расставляй нас в правильном порядке.

«Правильный порядок» сложился сам собой. Ирина Петровна села в кресло, на её коленях определили место кота, который, правда, пока отказывался его занимать. По бокам от матриарха семейства расположились Клариса и жена Максима (её имя я не запомнила), а по краям, как строгая чёрная рамка, встали Стас и Максим. Я сделала бессчётное ко-

личество дублей в таком вот классическом стиле, с незначительными вариациями. Морфея, в конце концов, усадили на колени к хозяйке, приманив кусочком рыбы, одолженным у мангальщиц.

А потом, когда основная часть была закончена, все начали баловаться кто во что горазд. Максик позировал, стоя на руках, кувыряясь в прыжке и отжимаясь на одном кулаке. Клариса целовала на камеру мужа, элегантно задрав ножку. Стас, выпив второе шампанское, сделал «колесо». Даже Ирина Петровна разошлась и пыталась посадить правнука на кота, но оба участника воспротивились этой затее и разбежались в разные стороны. К этой вакханалии присоединилась и Мария, которая, как оказалась, занимается эротическими танцами. Сначала она позировала, принимая относительно невинные позы, а потом начались более «винные». Минут через десять она уже восседала на коленях у Стаса в позе заправской стриптизерши, соблазнительно выгнув спинку и отставив в сторону ножку на мысочке. Клариса при этом играла с малышом, не обращая на выкрутасы мужа никакого внимания.

Я фотографировала всех подряд без разбору, однако моё внимание постоянно возвращалось к одинокой фигурке Ольги у мангала. Ольга курила сигарету, стоя ко всем спиной и глядя на скрывающееся в закатном мареве солнце. Её парень распластался на лежаке и тоже пялился в небо. Потом Ольга с непроницаемым лицом подошла к нему и что-то сказала.

Денис встал, собрал какие-то вещи: пакет с углями, посуду – и ушёл. Семейный ужин на свежем воздухе не состоялся.

Я вспоминала эту сцену, стоя в своей загромождённой каморке и напряжённо наблюдая за кофейными пузырьками, вырастающими по краям турки. Я всегда держу турку на плите до последнего, пока не наступает тот самый момент, когда кофе готово убежать, перелиться через край и залить всё вокруг. За долю секунды до катастрофы я ловко снимаю кофейник, и мой беглец мигом утихомиривается. Бурные кофейные воды возвращаются в свои берега.

Несколько дней я дорабатывала и согласовала с семьёй Фархиди финальное фото – образец для будущего портрета. Честно говоря, я думала, это будет дольше, учитывая, сколько имеется заинтересованных лиц, каждое из которых, понятное дело, хочет выглядеть красиво, и в то же время – должно сочетаться со всеми остальными. Но оказалось, что все члены этой удивительной семьи весьма быстро принимают решения. Даже нарисованное нейросетью вечернее платье на молодой маме не нашло у последней никаких возражений. По крайней мере, Ирина Петровна дала добро на все изменения.

Итак, макет семейного портрета был согласован. Позавчера мне привезли мольберт, холст на подрамнике, краски и всё остальное, и я приступила к работе. Начинать такое грандиозное дело, да ещё и после большого перерыва, было, конечно, боязно, но я взяла себя в руки. Масло – хороший ма-

териал. Если накосячишь – можно подправить. Это вам не акварель, где любая пометка превращается в грязь. И сроки у меня не ограничены. Новых заказов по переводам всё равно нет. Рассказ про кракотунцев я уже отправила в издательство, а мемуары Петра Никифоровича застопорились из-за полной невозможности разобрать его почерк-шифр. Да и мой заказчик Иван Петрович куда-то пропал. На последние сообщения не ответил и новых переводов не требует.

Так что теперь я свободный художник. И как положено творческой личности, незаметно перешла на полуночный образ жизни. Рисовать ночью мне нравится. Весь мир словно растворяется в темноте. Ничего не отвлекает, даже бесконечный внутренний монолог на время затихает. Мозг сосредоточен на работе, а всё остальное теряет значение.

Но сегодня мне пришлось встать очень рано (рано для «богемы», а для обычного человека нормально), потому что наступил день оплаты за квартиру, и мне требовалось снять наличные в ближайшем банкомате. Ирина Петровна попросила заплатить пораньше, потом она поедет на кладбище, отвезёт цветы на могилу мужа и отца. Да, сегодня же праздник! День Победы. А я в своём фрилансерском безрежимье совсем про него забыла.

В детстве мы с мамой в этот день ходили на парад, поздравляли соседа-ветерана. А когда жили с Сашей, на майские праздники всегда норовили куда-нибудь уехать: в отпуск или за город. Один только раз оказались в городе и хо-

дили смотреть салют, больше никак не отмечали. Я вспомнила тот салют на Воробьевых горах. С нами были друзья, бутылка вина, перелитая в пластик, и бумажные стаканчики. Я сидела на парапете, а Саша обнимал меня, чтобы не грохнулась в реку. После каждого особо удачного взрыва мы целовались.

Ничего удивительного, что я опять не к месту вспоминаю своего бывшего. Пять лет вместе – это вам не шутки. И из памяти их так просто не сотрёшь, да и зачем стирать? Это же моя жизнь. И всё-таки я горжусь собой, что неделю назад, получив от него цветы и снисходительную записочку, я удержалась и не пошла на встречу. Чинно поблагодарила за букет и сообщила, что времени для разговоров совсем нет, увы.

Ха-ха. Времени у меня сейчас полно! Просто не хочется опять чувствовать себя душой, которой милостиво дают ещё один шанс. Цветы давно завяли и лежат в мусорке, а вот открыточка с запиской так и валяется на столе.

«Ася, если тебе так уж нужны извинения, то вот они».

Не нужны, спасибо.

Саша на моё сообщение не ответил, только прислал фото говядины, которую, видимо, мариновал для меня. Говядина выглядела вкусной.

Больше он не писал.

Я выпила наскоро кофе, закусила бутербродом с творожным сыром и направилась к банкомату, который находится совсем рядом, в бизнес-центре, построенном на месте воен-

ного завода. Выполнив нехитрую процедуру по извлечению из банкомата денег, поднялась к Ирине Петровне. Отдала оплату, поздравила с праздником. На кушетке в прихожей у неё сидел Максим.

– Асенька, спасибо большое! А ко мне вот внучек приехал, на кладбище сейчас поедет.

– Привет, – кивнула я. – Я слышала, вы с семьёй в наш дом переезжаете?

– Переезжают, – ответила за Максима бабушка. – Вещи уже перевозят всюду. Вон, мыша мне своего приволокли.

Она подошла к окну, отодвинула штору, и я увидела на подоконнике клетку, а в клетке – маленькую белую мышку, которая сидела, зарывшись в опилки, и смотрела в окно. Заметив нас, мышь тут же подскочила и хаотично заметалась по клетке. По пути она то сгрызала семечку из миски, то лакала водичку, то раскидывала опилки, норовя попасть через прутья на подоконник.

– Вот паразит, а? – покачала головой Ирина Петровна. – Обиделся, что переселили его. Тонкая душевная организация.

– По Максиму Максимычу скучает, – сказал Максим. – Они с ним на одном уровне развития, только у мыша зубов больше.

Кот не спеша взгромоздился на подоконник и с любопытством прижался носом к прутьям. Мышь опасно отбежала на другой конец клетки.

– А ну, брысь! – согнала его хозяйка. – Не пугай зверушку. Она ещё не адаптировалась к твоей наглой морде.

– Какая прелесть, – дежурно умилилась я. – Ладно, не буду вам мешать!

Я вернулась к себе.

Было всего около десяти, а заснула я, кажется, часа в четыре. Я была сонная, но не настолько, чтобы снова лечь спать. Утреннего кофе мне, кажется, не хватило, так что, немного помаявшись, я отправилась в нашу кофейню за добавкой. Благо идти мне туда всего пару шагов – соседняя дверь. Очень компактный у нас дом. Дом шаговой доступности.

В кофейне сидели незнакомые мне люди, и только одного человека, а точнее – только одну спину я узнала тотчас же и без сомнений. Машуля. Она сидела за столом, тянувшимся вдоль всей стены, и смотрела в окно. Одета она была точно так же, как тогда, на крыше: старомодный тёмно-синий пиджак и такая же юбка ниже колен. Седые волосы были так же аккуратно убраны в пучок и заколоты каким-то коричневым гребнем. Одна прядь чуть-чуть выбивалась из пучка, и мне показалось, что точно та же прядь выбивалась и месяц назад.

Впрочем, это я уже, наверное, придумываю. Иногда ужасно трудно отличить настоящие воспоминания от ложных. А иногда настоящее воспоминание спустя время становится ложным. Или наоборот. А бывает, что одно и то же воспоминание для одного настоящее, а для другого – ложное. Впрочем, в тот момент я ещё этого не знала и не думала о таких

вещах. Я просто хотела кофе.

– Тебе помочь, дорогая? – окликнули меня сзади.

10. Новые вопросы

09.05.26 суббота

– Тебе помочь, дорогая? – окликнули меня сзади.

Обернувшись к барной стойке, я увидела за ней Альбину.

– Привет! Ты наша новая бариста?

– Привет. Заменяю Борю, он к бабушке поехал, всё-таки сегодня День Победы. А его сменщик болеет.

– У него бабушка ветеран?

– Нет, дитя блокадного Ленинграда, но тоже ничего хорошего.

Я кивнула. Что же тут может быть хорошего? Альбина была в зелёном летнем платье и с двумя рыжими хвостиками. Выглядела как школьница, только пупырышки вокруг глаз после уколов гиалуронки выдавали в ней совершенно-летнюю особу.

– Кофе будешь? – спросила она.

– Да, я ж за этим и пришла. Не выпалась, надо взбодриться! Давай карамельный латте, не пробовала ещё у вас.

– Окей, только сироп карамельный закончился, я тебе конфету «коровка» растолку, будет даже вкуснее.

– Хмм... Оригинально. Ну давай попробуем. И печенку с имбирём.

Пока она готовила латте и, чертыхаясь, крошила в него «коровку», я всё время оглядывалась на Машулю. Та сиде-

ла с прямой, как палка, спиной и смотрела вдаль через стеклянную стену. Рядом стоял пустой бумажный стакан с хвостиком от чайного пакетика. Мне было ужасно любопытно, и я, наконец, решилась. Перегнулась через стойку и шёпотом спросила Альбину:

– А Машуля чего одна сидит? Что-то случилось?

Вопрос был, конечно, глупый. Почему бы человеку не посидеть одному в кофейне? И всё-таки было что-то ненормальное в её неподвижной фигуре и одиноком пустом стаканчике. Я сразу подумала, не связано ли это как-нибудь с Ромой? Альбину мой вопрос не удивил. Она закончила делать кофе, перегнулась через стойку и зашептала мне в ухо:

– У них с Ромашкой проблемы. Она здесь теперь каждый день торчит, часа по три утром и вечером. Пялится в окно и всё.

Тут Альбина вздрогнула, отстранилась и с непроницаемым лицом громко произнесла:

– Оплата наличкой или по карте?

Я поняла, что Машуля заметила наши перешёптывания, но оглядываться не стала. Оплатила покупку и села за свободный столик. Кроме Машули, в кафе было ещё человек семь, но все не из нашего дома. Обычно сюда ходят сотрудники расположенных поблизости бизнес-центра и складов, но сегодня выходной, и откуда набежали эти люди, непонятно. Минут через десять, впрочем, непривычная для этого места толпа рассосалась, и Альбина с бумажным стаканчиком

подсела за мой столик.

– Мятное какао, – сказала она, – Чудовищная вкуснятина, просто ужас какой-то. Рекомендую. Особенно если с зефиркой.

– Хорошо, – сказала я. – Попробую.

Мысли мои по-прежнему крутились вокруг странного поведения Машули, и у Альбины, как видно, тоже.

– Сидит и сидит, – печально сказала она. – Даже в телефоне не тыкает, чисто в окно пялится. Хотя у неё и айфон.

Последнее замечание прозвучало, как обычно, ни к селу, ни к городу. Как я уже заметила, Альбина имела склонность к странным и внезапным умозаключениям, однако с какого-то момента я начала её понимать. Возможно, так и зарождается дружба. Впрочем, после истории с кое-кем я крайне осторожна с выдачей людям звания «друга».

– Бедная, – невольно посочувствовала я. – Совсем ей плохо, наверное.

Обычно, когда мне всё надоест, я читаю книгу, рисую или гуляю где попало. Но бывают такие тяжёлые моменты, когда сил на осмысленную деятельность просто нет, и остаётся только валяться в постели и листать ленту в соцсетях. Если нет сил на ленту, я играю в старинную древнерусскую игру «тетрис». Затягивает, между прочим, не хуже современных стратегий, обожаемых моим бывшим. Но насколько же надо обессилить, чтобы даже на тетрис энергии не осталось?! И смотреть часами в окно? Туда, где, кроме прыгающих по

клумбе воробьёв да Нурмырзы, подметающего улицу кривоватой метлой, повязанной георгиевской лентой, совершенно ничего не происходит.

– А почему Машуля съехать не может? – спросила я. – У неё есть какие-нибудь друзья или родственники?

– Да ты что, она вообще из дома не выходит! Или в квартире сидит, или здесь. Ну, покупки ещё иногда забирает, – Альбина показала рукой на дверь, ведущую в пункт выдачи товаров. – Даже на крышу не любит ходить, говорит, там у неё голова болит.

– А чем она вообще занимается? У неё есть работа какая-нибудь?

– Раньше блог вела на ютубе, про косметику всякую, модные тренды. Плясала там по-всякому, на рекламе хорошо зарабатывала. Но месяц-два как всё забросила и ничего не делает. Даже маникюр.

Я даже не знала, что ответить. Представить эту седовласую старушку с пучком на голове ведущей модного блога, да ещё и пляшущей «по-всякому» было совершенно невозможно. Всё это звучало настолько бредово, что единственной реакцией был полный ступор. Где-то я с этим миром разошлась. Понять бы только, где именно?

– А ты чем таким ночью занималась, что не выспалась? – игриво спросила Альбина. Видно, уж очень ей хотелось посплетничать о моей бурной личной жизни, но порадовать её было совсем нечем.

– Картину рисовала. Семейный портрет наших хозяев.

– О, здорово! А ты ещё жаловалась, что работы нет. Теперь появилась?

– Спасибо, – сказала я. – Это ты меня Ирине Петровне порекомендовала, так что не зря я, получается, тебе жаловалась.

– Да не за что. Жаловаться, в целом, вредно. А вот рассказывать о своих умениях и возможностях – полезно. А вообще, это не я, это дом всем помогает. Кто чего хочет, тот то и получает.

Последняя мысль показалась мне весьма спорной. Виктору тоже дом «помог»? Ну-ну. Дожевав своё имбирное печенье, я задала давно вертевшийся в голове вопрос:

– Слушай, а тебе не кажется подозрительным, что люди, которые тут живут, начинают себя странно вести? Вот Виктор, который в моей комнате жил, он же нормальным парнем был, да? А потом в депрессию впал, да такую сильную, что... не выдержал. Потом эта Машуля. Тоже явно с психикой нелады. Это же ненормально совсем – часами в одну точку смотреть. И ещё! – я вспомнила фотосессию на крыше. – Ты знаешь Котика? Ну в смысле этого, как его, Дениса!

– Который с Олей живёт? Знаю, конечно.

– У него тоже хандра какая-то. Недавно его девушка рыбу жарила, а он на лежаке лежал и вот так же в одну точку пялился.

– Каждый сам творец своего счастья, – пожала плечами

Альбина, поправив сползшее с плеча платье. – И несчастья тоже. Дом помогает сильным, а если ты слабак, который по любому поводу в хандру впадает...

Она не договорила. К нам подошла Машуля и села третьей за стол.

– С Днём Победы, – сказала она скрипучим голосом. – Победили мы этих гадов всё-таки, да?

– С праздником, – сказала Альбина. – На концерт с нами не хочешь вечером? В парк отдыха. Оттуда и салют будет видно. Мы с Марией поедem, и Ромашка вроде тоже собирался.

– Не хочу, – Машуля резко качнула головой.

Я рассматривала янтарную брошку в виде розочки у неё на груди, а чуть правее – волосок. Такой же седой волосок, как тот, что я пыталась снять еще тогда, на крыше. Или это тот же самый? Но прошёл месяц! Опять дежавю? Ложные воспоминания или что-то в этом роде? Нет, не верю, я пока ещё не сошла с ума. Или она этот волосок специально носит, как амулет... Бред! Носит на лацкане пиджака, который Мария почему-то называла платьем. Нет, это полный бред!

– Ася, а ты пойдёшь с нами? – повернулась ко мне Альбина.

– Почему бы и нет? – ответила я. – Планов на вечер у меня вроде не имеется.

– О, супер! Будем часов в восемь выезжать. По набережной погуляем. Ты коньяк пьёшь?

– Только в случае крайней необходимости.

– Я думаю, сегодня эта необходимость будет крайняя.

Зашёл посетитель, и Альбина вернулась за стойку. А я допила свой латте с коровкой, попрощалась с Машулей и пошла в домой. Старуха даже не ответила, смотрела куда-то мимо меня. Ну что ж, не очень-то и хотелось!

Днём я занималась разными домашними делами, читала Стейнбека, смотрела любимый сериал. Но мысли то и дело возвращались к разным нелогичностям и загадкам, которых с каждым днём становилось всё больше вокруг меня. Я взяла зелёную тетрадку, найденную Морфеем за люком, и открыла на последней странице.

Где я?

Почему я не могу выйти?

Где МОЗ?

Кто я?

Последние вопросы, мучившие Виктора перед смертью. Ответов он, судя по всему, так и не нашёл. Я перелистнула страницу и стала писать *свои* вопросы. Тоже пока что безответные.

1. Виктор.

А) Почему он повесился?

Б) Почему не мог выйти из дома?

В) Что такое МОЗ?

Г) Почему он не знал, где он и кто он?

2. Машуля

А) Почему она не выходит из дома? Связано ли это с затворничеством Виктора?

Б) Почему она носит одну и ту же одежду? Волосок!

В) Почему Мария называла её пиджак платьем?

Г) Почему Рома живёт с такой старухой?

Д) Как старуха вела модный блог?

Тут меня осенило: я ведь могу найти этот блог! Надо только узнать Машулину фамилию или ник. Ладно, это мы выясним. Какие ещё есть вопросы?

3. Котик Денис.

А) Что с ним случилось, почему он грустит?

Б) Связано ли это с остальными случаями?

4. Клариса.

А) Почему она боится заходить в дом?

Б) Почему советует ни в коем случае не оставаться в доме, если что-то пойдёт не так?

И правда, почему? Это просто её страхи, догадки, или она что-то знает? Знает, но не говорит.

Вопросов предостаточно. Осталось всего лишь найти на них ответы.

Пришло сообщение от Альбины: *«Выходим через 10 минут. Оденься теплее, не май месяц»*. Месяц был как раз май, но ветровку я накинула.

Когда я вышла, на улице уже курил Рома.

– О, тётя Ася приехала, – неуклюже пошутил он.

– Привет, – сказала я. – Как дела?

– Бывало и получше, – пожал он плечами.

Вскоре вышли Альбина и Мария с каким-то коротко стриженным парнем. Присмотревшись, я узнала хмыря, с которым Мария целовалась на крышной вечеринке. Кажется, он не из нашего дома. Рома вызвал такси, мы кое-как утрамбовались в обшарпанную китайскую колымагу и поехали.

В парке было многолюдно, но мы нашли местечко под деревом, девочки расстелили плед, и все уселись, прижавшись друг к другу. По рукам сразу пошла увесистая фляга с коньяком. Мария обнималась со своим хмырём и была почти полностью поглощена воркованием с ним. Вообще-то, это был вполне нормальный молодой человек, хоть и слегка бандитского вида. Но я, как обычно, не запомнила имени и про себя почему-то называла его именно так – *хмырь*. Ну а мы с Альбиной уселись вокруг Ромашки, который явно наслаждался повышенным женским вниманием и любезничал с нами обеими изо всех сил.

– Я за многожёнство, – рассуждал он. – Одна жена для интеллектуальных бесед за чашечкой какао. Вторая пускай деньги зарабатывает. А третья... Третья пусть будет пилить и выносить мозг, чтобы не залёживался на одном месте. В общем, на вашем женском языке – мо-ти-ви-ро-вать!

– А хозяйством кто будет заниматься? – уточнила я.

– Робот–пылесос.

– Я тоже хочу трёх мужей, – заявила Альбина. – Умного,

красивого и богатого.

– А «три–в–одном» слабо найти? – хохотнул Ромашка.

– Почему слабо? Очень даже запросто. Только я ещё и реального мужа хочу. Живого.

Начался концерт. Группы выступали в основном мне не знакомые, но было очень даже кайфово сидеть на травке, прислонившись к дереву, похлёбывать коньяк и слушать музыку. А вот девочки музыкантов явно знали и постоянно бегали к сцене, чтобы снять видео, а заодно потанцевать и пороть песни. Хмырь нехотя тащился за своей подругой. Думаю, в танце ему было сподручнее тискать её за разные места. Мы с Ромашкой оставались вдвоём.

– Какая ошеломительная погода! – с наслаждением потянулся он. – Наконец-то лето.

– Да, лето, – согласилась я. – В нашем доме, наверное, летом вообще классно. Можно на крыше всё время проводить. Загорать на лежаке, любоваться облачками на небе. Даже дача не нужна, всё включено.

– Это да, – согласился он. – Жаль, я скоро съеду и в лежаке не смогу любоваться. Ни облачками, ни тобой в бикини.

– Съедешь? Почему?! – от неожиданности расстроилась я.

– Ну так. Жизнь не стоит на месте. Квартиру вот ищу.

– А Машуля с тобой съедет?

– Нет, она останется.

Он с явной неохотой говорил о своей подружке, но я всё равно не сумела отвяжаться и перевести разговор. Меня рас-

пирало любопытство, а после выпитого коньяка сдерживать себя стало ещё сложнее.

– Что у вас случилось?

– Да ничего сенсационного. Расстаёмся. Обычное дело.

– Да? Понятно. А как вы вообще?.. Ну... Я понимаю, это не моё дело, но не могу не задать вопрос. Просто я впервые такое встречаю... Ну, ты понимаешь.

– Какой вопрос-то?

Разговор меня жутко смущал, но любопытство оказалось сильнее, так что, набрав побольше воздуха в грудь, я выпалила:

– Как вы с ней вообще сошлись? Учитывая разницу в возрасте.

– Возраст любви не помеха. Да и разве ж это разница? Машуля на пять лет всего младше. Для женщины это нормально.

– Что?!

Рот мой распахнулся и не закрывался пару минут. Я не понимала, как реагировать, как вообще переварить эту чушь. Только глазами хлопала.

– Ну а что, по-твоему, только с ровесницами можно? Хотя, честно говоря, я в последнее время думаю, что с ровесницами лучше. Или даже с девушкой постарше. Сейчас, знаешь, и в сорок бывают такие красотки – ни за что не дашь! И проблем с ними меньше. Намного меньше. Умная, зрелая, раскрепощённая женщина, не склонная к истерикам – мечта

любого! А тебе, кстати, сколько?

– Мне? – я не сразу даже поняла, о чём он спрашивает, мысли путались, и голос его доносился будто издалека. – Мне, ну это... Как его...

Господи, я реально забыла, сколько мне лет!

– Тридцать один! – вспомнила, наконец. – А тебе?

– Тридцать. Вот у нас с тобой идеальная разница в возрасте, согласишься?

– Послушай, – мысли кружились в голове и не давали сосредоточиться. – Если это какая-то шутка, то не смешно. Хотя я не думаю, что ты жил с этой женщиной, только чтобы подшутить надо мной. Но, с другой стороны, всякое бывает, в этом доме вообще много странностей. Слишком много!

Я вспомнила вопросы, выписанные в зелёную тетрадку. Почему их становится всё больше?

– Ась, ты о чём?

Он выглядел искренне непонимающим.

– Знаешь, я, конечно, могу предположить, что у меня начались галлюцинации, но это слишком маловероятно. Во-первых, у меня их никогда не было. Во-вторых, насколько мне известно, в галлюцинациях обычно видят знакомых людей, а я эту бабку знать не знаю, и зачем вообще моему мозгу её придумывать?! Нет, это уж слишком глупо, ну согласишься же!

– Какую бабку? Ты о чём?

– Да про Машулю твою, господи! Ну ей же лет семьдесят

минимум! У неё все волосы седые, лицо в морщинах, а ты зачем-то пытаешься меня убедить, что ей двадцать пять лет? Кто-то из нас точно сошёл с ума.

– Ты меня пугаешь. Тебе нельзя столько пить, отдай, – он отобрал у меня флягу с коньяком и правильно сделал, потому что от волнения я стала прикладываться чаще, чем надо.

Прибежали остальные.

– Вы чего сидите? Идите танцевать! – кричала разгорячённая Мария. – Там весело!

– Да нам и здесь не скучно, – откликнулся Рома. – Вот скажи, какого цвета волосы у Маши?

– У какой Маши? Твоей? – уточнила Мария, и Рома кивнул. – Ну, светлые. Светло-русые скорее, а что?

– Не седые?

– Ты чего?

– С тобой поседеешь! – смеясь, крикнула Альбина ихватила флягу. – Многоженец!

– Салют скоро начнётся, – сказал хмырь. – Через десять минут.

– О, пойдёмте к сцене! – замахала руками Мария. – Фотку общую сделаем. Как раз салют с той стороны будет, красиво получится!

На огромной растяжке над сценой было написано: «С праздником победы!», и снизу приписка: «Больше никогда».

Больше никогда, повторяла я про себя. Никогда, никогда, никогда, никогда.

Не знаю, чего ко мне привязалась эта фраза. Я была явно не в себе. Мысль о том, что я всё-таки сошла с ума, оглушала и заволакивала туманом. И от этого тумана я и правда чувствовала, что схожу с ума. Схожу... Или уже давно сошла?

Началась суета с фотографированием. Я покорно вставала, куда говорили, принимала нужные позы и даже, кажется, улыбалась. Но мысли мои были бесконечно далеко. Раздался грохот фейерверка, все радостно завизжали, кинулись обниматься, кричать «с праздником!», допивать коньяк и делать бесконечные селфи и видео. Рома тоже обнял меня и чмокнул в щеку.

– Ну красота же, скажи?

– Угу, – пробормотала я, хотя стояла спиной к этой красоте и даже забыла, что надо обернуться. Мысли мои были очень далеко. Точнее, мыслей вообще не было, я оказалась совершенно растеряна и разбита. Что со мной происходит? Что из окружающего меня реально, а что – моя галлюцинация?

Кто я?

...и где я?

11. Дремучий бестиарий

09.05.2026, суббота

Рома внимательно посмотрел на меня:

– Ты в порядке? Я могу помочь?

– Да, да, – пробормотала я. – Всё нормально. Мне... позвонить надо.

Достав телефон, я быстро пошла прочь от толпы, в отдалённую и более дикую часть парка. Звонок был лишь предлогом, чтобы побыть одной, в тишине, и не отвечать на вопросы, на которые у меня не было ответа. Однако пока я шла, телефон действительно зазвонил. Саша. Я без раздумий взяла трубку:

– Привет.

– Привет, Ася, с праздником тебя.

– Спасибо, и тебя тоже.

Против воли я почувствовала, как рада слышать его голос – такой родной, тёплый и напоминающий о временах, когда мир ещё был нормален. И я вместе с ним.

– Как твои дела? Что у тебя там шумит? – спросил он.

– Это салют, я в парке. У меня всё... хорошо, а как у тебя?

– Ну так. С п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.